

Вестник
Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

№ 2.1 (33) 2022
Спецвыпуск

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-68095

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

Спецвыпуск № 2.1 (33)' 2022

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте

Заместитель главного редактора:

Алешукина С.А.,

*канд. юрид. наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности
Тверского государственного университета*

Редакционный совет:

Председатель – Семенов А.В., д-р экон. наук, профессор, ректор Московского университета имени С.Ю. Витте;

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте;

Букалерева Л.А., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;

Землин А.И., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой транспортного права и административного права Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II;

Сауляк О.П., д-р юрид. наук, профессор, председатель московской коллегии адвокатов «Юристы-профессионалы»;

Чеха В.В., д-р юрид. наук, руководитель представительства Россотрудничества в Республике Абхазия.

**Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.**

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2022

ПРИНЦИП УВАЖЕНИЯ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В СОВОКУПНОСТИ С ДРУГИМИ ПРИНЦИПАМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	5
<i>Богатых Надежда Павловна</i>	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ ГРАЖДАНAM (НА ПРИМЕРЕ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ)	11
<i>Булавнева Юлия Александровна</i>	
ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ.....	16
<i>Васильев Алексей Олегович</i>	
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ.....	23
<i>Власова Евгения Игоревна</i>	
ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	29
<i>Гамза Анастасия Александровна, Чуйко Анна Анатольевна</i>	
БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	34
<i>Донгак Буян Константинович</i>	
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	39
<i>Иткина Яна Яковлевна</i>	
НАБЛЮДЕНИЕ КАК НЕОБХОДИМАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА И НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ ПРОЦЕДУРЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	44
<i>Кянганен Вячеслав Аулисович</i>	
О СПОСОБЕ СНИЖЕНИЯ НАГРУЗКИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОРГАН РОССИИ.....	51
<i>Ромашенко Наталия Игоревна</i>	
ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК НОВЫЙ ПРОВОДНИК МЕЖДУ ЛИЦАМИ, УЧАСТВУЮЩИМИ В ДЕЛЕ (НА ПРИМЕРЕ АВСТРАЛИИ И КИТАЯ).....	57
<i>Слабоспицкий Анатолий Сергеевич, Лейко Петр Игоревич</i>	

CONTENTS

THE PRINCIPLE OF RESPECT FOR THE HONOR AND DIGNITY OF THE INDIVIDUAL IN CONJUNCTION WITH OTHER PRINCIPLES IN CRIMINAL PROCEEDINGS	5
<i>Bogatyh N.P.</i>	
LEGAL REGULATION AND PROBLEMS OF PROVIDING STATE AND MUNICIPAL SERVICES TO CITIZENS (ON THE EXAMPLE OF BUDGETARY LEGAL RELATIONS).....	11
<i>Bulavneva Yu.A.</i>	
EVOLUTION OF SELF-REGULATION INSTITUTION IN RUSSIA	16
<i>Vasiliev A.O.</i>	
PREVENTION OF CORRUPT BEHAVIOR OF STATE CIVIL SERVANTS	23
<i>Vlasova E.I.</i>	
CONSUMER PROTECTION AND SOME ASPECTS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF ADVERTISING.....	29
<i>Gamza A.A., Chuiko A.A.</i>	
FIGHT AGAINST CORRUPTION IN THE PUBLIC SERVICE SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	34
<i>Dongak B.K.</i>	
LEGAL ASPECTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE	39
<i>Itkina Ya. Ya.</i>	
MONITORING AS A NECESSARY PART OF THE BANKRUPTCY PROCEDURE AND THE INCOMPLETENESS OF THE RESTRUCTURING PROCEDURE OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES	44
<i>Kyanganen V.A.</i>	
ON THE WAY TO REDUCE THE BURDEN ON THE LEGISLATIVE BODY OF RUSSIA.....	51
<i>Romashenko N.I.</i>	
DIGITALIZATION AS A NEW CONDUIT BETWEEN THE PERSONS INVOLVED IN THE CASE (ON THE EXPERIENCE OF AUSTRALIA AND CHINA)	57
<i>Slabospitsky A.S., Leiko P.I.</i>	

УДК 343.1

ПРИНЦИП УВАЖЕНИЯ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В СОВОКУПНОСТИ С ДРУГИМИ ПРИНЦИПАМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Богатых Надежда Павловна¹,

e-mail: bogatykh.95@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Анализируется нормативно-правовое регулирование требования уважения чести и достоинства личности в уголовном процессе Российской Федерации. Рассматриваются последствия нарушения принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве. Раскрывается проблема защиты прав человека для действующего законодательства. Предметом исследования выступают правовые нормы, регулирующие принцип уважения чести и достоинства личности. Цель работы, а именно выявление особенностей последствий нарушения приведенного принципа в уголовном процессе, достигнута посредством используемых общенаучных (диалектический метод, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции) и частнонаучных методов (юридический анализ, сравнительно-правовой метод). Сформулированные выводы показывают необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в области регулирования требований уважения чести и достоинства личности в уголовном процессе Российской Федерации. Подчеркивается значимость уважения чести и достоинства личности в уголовном процессе Российской Федерации.

Ключевые слова: защита прав человека, личность, честь, достоинство, подозреваемый, обвиняемый, принцип, уголовно-процессуальное законодательство, уголовное судопроизводство

THE PRINCIPLE OF RESPECT FOR THE HONOR AND DIGNITY OF THE INDIVIDUAL IN CONJUNCTION WITH OTHER PRINCIPLES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Bogatyh N.P.¹,

e-mail: bogatykh.95@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article presents the legal regulation of the requirement of respect for the honor and dignity of the individual in the criminal process of the Russian Federation. The consequences of violation of the principle of respect for the honor and dignity of the individual in criminal proceedings are considered. The problem of human rights protection for the current legislation is revealed. The subject of the study is the legal norms regulating the principle of respect for the honor and dignity of the individual. The purpose of the work, which was the identification of the features of the consequences of violating the principle of respect for the honor and dignity of the individual in criminal proceedings, was achieved through the general scientific methods used in the work (dialectical method, methods of analysis, synthesis, induction, deduction) and private scientific methods (legal analysis, comparative legal method). The conclusions formulated in the paper show the need for further improvement of legislation in the field of regulating the requirements of respect for the honor and dignity of the individual in the criminal procedure of the Russian Federation. The result of the work shows the importance of respect for the honor and dignity of the individual in the criminal procedure of the Russian Federation.

Keywords: protection of human rights, personality, honor, dignity, suspect, accused, principle, criminal procedure legislation, criminal proceedings

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-5-10

Достоинство личности охраняется государством¹, что находит соответствующее развитие в уголовно-процессуальном законодательстве. В ходе уголовного судопроизводства запрещены применение действий и принятие решений, которые унижают честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению (ст. 9 Уголовного кодекса РФ²).

Учитывая, что в настоящее время законодатель четко установил норму о том, что «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации», можно сделать вывод о конституционной природе принципа уголовного производства, закрепленного в ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ).

В соответствии с принципом неприкосновенности личности судебное разбирательство производится в строгой пошаговой системе, регламентированной ст. 10 УПК РФ, которая заключается в «установлении пределов ограничения права на свободу и неприкосновенности личности, а также порядка только по судебному решению и при наличии к тому причин с регулированием их в определенных нормах УПК РФ и соблюдением сроков использования мер процессуального принуждения в виде заключения под стражу, ареста подозреваемого, помещения в медицинский стационар для производства судебной экспертизы с обязательным снабжением условий содержания, исключающих опасность его здоровью и жизни» [1, с. 206].

Кроме того, согласно ст. 202 УПК РФ «использование способов, унижающих достоинство и честь, при получении образцов для сравнительного изучения не допускается» [2, с. 18]. В ч. 7 ст. 182 УПК РФ учитывается принцип уважения чести и достоинства личности, а также обращается внимание на то, что «следователь должен осуществить меры, обеспечивающие недопустимость оглашения обстоятельств частной жизни, лица, отмеченных в процессе проведения в помещении обыска» [3, с. 271].

Результативность принципа уважения чести и достоинства личности отчетливо просматривается и в его способности к обеспечению частных интересов в уголовном судопроизводстве. Законодательное признание приоритета интересов личности выступает показателем смены идеологии уголовного судопроизводства в России. Частный интерес, состоящий в потребности уважения чести и достоинства личности, важен, т.к. общество объективно заинтересовано в соблюдении со стороны государства определенных правил относительно граждан.

Осуществление частных интересов личности реализуется в границах морально определенных, заданных параметров установленного поведения участников уголовного судопроизводства [4, с. 31]. Нарушение этого принципа в уголовном судопроизводстве может способствовать привлечению виновного должностного лица к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности. Кроме того, нарушение данного принципа со стороны субъектов уголовно-процессуальных отношений, наделенных властными полномочиями, чревато обращением пострадавших лиц за получением помощи и восстановлением нарушенных прав (в их денежном выражении) в Европейский суд по правам человека, поскольку согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Это положение воспроизведено в ч. 3 ст. 1 УПК РФ. Выражением общепризнанных принципов и норм международного права выступают многосторонние международные договоры, в которых участвует подавляющее большинство государств мира. К ним, в частности, относится Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция). Примером этому могут служить решения, принятые в 2020 г. по делу «Шишкин и другие против России» (жалоба № 30050/09 и др., 1 сентября 2020 г.), «Х и У против России» (жалоба № 43411/06, 22 сентября 2020 г.), «Чудаловы против

¹ Часть 1 ст. 21 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: [закл. в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 24 июня 2013 г.) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.))] // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 9 марта 2022 г.) (с изм. и доп., вступил в силу с 17 марта 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

России» (жалоба № 796/07, 22 сентября 2020 г.). При рассмотрении и вынесении решений по указанным жалобам Европейский суд по правам человека пришел к выводу о нарушении Россией ст. 3 Конвенции как в материальном, так и в процессуальном аспекте. Норма указанной статьи устанавливает безусловный запрет на применение пыток: «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». Европейский суд по правам человека признал, что в отношении заявителей применялись пытки, тогда как государство не провело эффективного расследования и не наказало должным образом виновных в совершении этих преступлений [5, с. 191].

Таким образом, закрепленный в ст. 9 УПК РФ принцип уважения чести и достоинства личности обеспечен государством посредством правового механизма восстановления нарушенного, с этой точки зрения, конституционного права, определяющего, что достоинство личности охраняется государством. В условиях преобразования общества в современных реалиях базой для эффективной и реальной охраны прав личности в уголовном процессе выступают положения Основного закона государства.

Рассматриваемый принцип взаимодействует и с другими принципами уголовного судопроизводства.

Отметим, что в соответствии со ст. 49 Конституции РФ каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Как следует из указанного принципа, в совокупности с принципом состязательности, закрепленным ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, суд вправе устанавливать виновность лица при условии, если ее доказывают органы и лица, осуществляющие уголовное преследование. Если они не сумели этого сделать или прокурор и потерпевший отказываются от поддержания обвинения в суде, суд должен вынести в отношении обвиняемого оправдательный или обвинительный приговор в менее тяжком преступном деянии. Данное правило следует из принципов ст. 118 и ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, согласно которым суд, рассматривая уголовные дела, осуществляет исключительно функцию отправления правосудия и не должен подменять органы и лиц, обосновывающих обвинение. При этом суд все неустраняемые указанными органами и лицами сомнения в виновности обвиняемого, в силу ч. 3 ст. 49 Конституции РФ, толкует в пользу обвиняемого [6, с. 794].

Исходя из принципа состязательности в современном его понимании, суд выступает как бы третьим звеном в споре между государством (государственным обвинителем как защитником публично-правовых интересов) и обвиняемым лицом.

В этой связи следует отметить, что суд в процессе осуществляет оценку доказательств, представленных сторонами, т.е. проверяет относимость, допустимость и достоверность, а также определяет их значимость для правильного разрешения дела по существу.

Вместе с тем состязательность не исключает право суда истребовать и исследовать по собственной инициативе доказательства в том случае, когда возникает необходимость в проверке доводов, приведенных сторонами. В данном отношении главным является то, чтобы такое участие суда в предоставлении сторонами доказательств не перешло границ объективности, беспристрастности и осуществлялось только в случаях, прямо предусмотренных законом.

В обязанности суда входят обеспечение справедливого и беспристрастного разрешения спора, создание необходимых условий для осуществления сторонами их процессуальных прав и обязанностей на основе полного равенства. На суд возлагается обязанность содействия в восстановлении нарушенного права, а не быть нейтральным.

Суд предоставляет сторонам обвинения и защиты равные возможности для отстаивания своих позиций и не может принимать на себя выполнение их процессуальных функций. Отсутствие у суда права возбуждать уголовное дело и предъявлять обвинение означает, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью либо в соответствующей его части.

Тем не менее, следует обратить внимание на то, что в отличие от состязательности в гражданском процессе принцип состязательности не находит своего полного выражения в уголовном судопроизводстве. Так, согласно концепции принципа состязательности одним из его проявлений видится возложение бремени доказывания на носителей противоположных интересов – сторон, а также устранение судьбы от процесса доказывания [7]. Полагаем, что правильность данного суждения очевидна.

Важнейшей особенностью уголовного процесса является действие в его рамках принципа презумпции невиновности, подразумевающего, что бремя доказывания вины подсудимого полностью возлагается на сторону государственного обвинения. Следует признать, что гражданское процессуальное законодательство также включает некоторые элементы императивного разделения бремени доказывания, тем не менее, оно возлагается на обе стороны.

Более того, существенным является то, что уголовное судопроизводство в большей степени, чем гражданское, требует ограниченного вмешательства судьи в процесс доказывания, поскольку исходом уголовного процесса может стать существенное, пусть и законное, нарушение конституционных прав и свобод личности.

Отметим, что обеспечение состязательности обеих сторон – защиты и обвинения – является одним из основных принципов современного судопроизводства. Уголовное судопроизводство включает в себе целую систему, в которой одно из центральных мест принадлежит судьям, обеспечивающим состязательность сторон. Осуществление данного принципа означает построение уголовного судопроизводства таким образом, чтобы функции обвинения и защиты были разграничены между собой, отделены от судебной деятельности и выполнялись сторонами, обладающими равными процессуальными правами при отстаивании собственных интересов. Данный тезис находит отражение в ст. 244 УПК РФ, согласно которой «в судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление суду письменных формулировок по вопросам, указанным в пунктах 1–6 части первой статьи 299 настоящего Кодекса, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства».

Одним из основополагающих правил судопроизводства является презумпция невиновности, т.е. пока факт совершения противоправного деяния, совершенного тем или иным лицом, не доказан, подозреваемый остается невиновным. Следовательно, задача обвинения заключается в предоставлении достаточных доказательств вины, в то время как защита должна не искать оправдания подсудимому, а обеспечить должную защиту от аргументов против обвиняемого лица.

Разделение полномочий в ходе судебного разбирательства является неотъемлемой частью уголовного судопроизводства, поэтому функция защиты возлагается на адвоката либо на самого обвиняемого, а другие же лица не могут и не должны вмешиваться в данный процесс. Роль защиты заключается в доказывании невиновности либо приведении смягчающих наказание обстоятельств. Деятельность защиты является наиболее сложной и непредсказуемой [8, с. 42].

Кроме того, в должностные обязанности адвоката входят предупреждение действий прокурора в ходе судебного разбирательства и отражение улик стороны обвинения. Своевременная работа, позволяющая предусмотреть возможные доводы против подопечного адвоката, и ответные действия по защите являются главными для достижения успеха в деле.

К примеру, в одном из дел, по мнению осужденного, в нарушение положений ч. 2 ст. 54 Конституции РФ, требований ст. 10 Уголовного кодекса РФ, суд первой инстанции, переквалифицировав его действия по приговору от ... на п. «г» ч. 2 ст. 161 Уголовного кодекса РФ, не снизил наказание. Кроме того, в постановлении о назначении судебного заседания от ... суд искажил требования его ходатайства и смысл обращения, при этом в судебном заседании не предоставил ему защитника, тем самым нарушил принцип состязательности сторон³.

Сторона обвинения имеет своей первоочередной задачей предоставление суду доказательств вины обвиняемого, поэтому роль государственного обвинителя является весьма важной, поскольку от того, насколько убедительными будут доводы обвинения, зависит во многом результат по делу.

Функция суда заключается в разрешении дела и принадлежит исключительно данному органу судопроизводства. Суд не выступает на стороне защиты или обвинения, не является органом уголовного преследования. В его обязанности входят создание условий для обеспечения состязательности сторон и контролирование данного процесса.

³ Постановление Верховного Суда Республики Бурятия по делу № 4/13-14/17: [от 1 декабря 2017 г.]. – URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 14.02.2022). – Текст: электронный.

В Постановлении от 28 ноября 1996 г. № 19-П Конституционный Суд РФ отметил, что приведенный принцип «предполагает такое построение судопроизводства, при котором функция правосудия (разрешения) дела, осуществляемая только судом, отделена от функций спорящих перед судом сторон. При этом суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, а потому не может принимать на себя выполнение их процессуальных (целевых) функций»⁴. Данный принцип предполагает самостоятельность и активность судьи в решении юридических вопросов уголовного дела. Соответственно, суд имеет право на обнаружение допущенных нарушений закона и должен предпринять меры по их исправлению либо признать юридически ничтожными действия защиты или обвинения, совершаемые с нарушениями закона. Окончательное решение дела в пользу обвиняемого или против него может приниматься исключительно независимым решением суда. Судья также вправе разъяснять участникам процесса их права, обязанности и уголовный закон, подлежащий применению.

Следовательно, следует сделать вывод о том, что уголовное судопроизводство является системой, основанной на различных принципах, в которой принимают участие три равные стороны – защита, обвинение и суд. Их функции различны, они обладают равными правами, что обеспечивает справедливость разбирательства в деле. Без принципа состязательности сторон не может быть обеспечен принцип уважения чести и достоинства, а именно возможность отстаивания своих прав и интересов, закрепленных в Конституции Российской Федерации, а также независимое принятие решения о виновности или невиновности подсудимого.

Список литературы

1. Савостьянова С.В. Актуальные вопросы реализации принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // *Science Time*. – 2016. – С. 206–210.
2. Авдеева Е.В. Уважение чести и достоинства личности как принцип уголовного судопроизводства // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 16–22.
3. Хажнагоева Д.М. Обеспечение реализации и защиты прав человека в уголовном судопроизводстве // Современные подходы к обеспечению и реализации прав человека: теоретические и отраслевые аспекты: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2022. – С. 271–278.
4. Ромашко А.Н. Уважение чести и достоинства личности как принцип уголовного процесса // *Новый юридический вестник*. – 2019. – № 5. – С. 31–34.
5. Шумилова Т.Н. Конституционный принцип уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Омской академии МВД. – Омск, 2021. – С. 190–192.
6. Сарычева Н.В., Абаева М.Р. Состязательность сторон: проблемы реализации принципа в досудебном производстве // *Аллея науки*. – 2019. – Т. 3, № 5. – С. 793–796.
7. Лапонова Т.Н. Соблюдение принципа состязательности при рассмотрении дел арбитражными судами первой инстанции // *Вестник Брянского государственного университета*. – 2012. – № 2-2. – С. 205–210.
8. Горбатко Е.А. Роль суда, прокурора и адвоката в обеспечении принципа состязательности уголовного судопроизводства // Перспективы государственно-правового развития России в XXI в.: материалы всероссийской научно-теоретической конференции адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвященной 55-летию Ростовского юридического института МВД РФ. – Ростов-на-Дону, 2016. – С. 41–43.

References

1. Savost'yanova S.V. Aktual'nye voprosy realizacii principa neprikosnovennosti lichnosti v уголовном судопроизводстве Rossijskoj Federacii // *Science Time*. – 2016. – S. 206–210.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности ст. 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: [от 28 ноября 1996 г. № 19-П] // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1996. – № 50. – Ст. 5679.

2. *Avdeeva E.V.* Uvazhenie chesti i dostoinstva lichnosti kak princip ugovnogo sudoproizvodstva // Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 2. – S. 16–22.
3. *Hazhnagoeva D.M.* Obespechenie realizacii i zashchity prav cheloveka v ugovnom sudoproizvodstve // Sovremennye podhody k obespecheniyu i realizacii prav cheloveka: teoreticheskie i otraslevye aspekty: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Moskva, 2022. – S. 271–278.
4. *Romashko A.N.* Uvazhenie chesti i dostoinstva lichnosti kak princip ugovnogo processa // Novyj yuridicheskij vestnik. – 2019. – № 5. – C. 31–34.
5. *Shumilova T.N.* Konstitucionnyj princip uvazheniya chesti i dostoinstva lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve // Realizaciya Konstitucii Rossijskoj Federacii: sostoyanie i perspektivy: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya obrazovaniya Omskoj akademii MVD. – Omsk, 2021. – S. 190–192.
6. *Sarycheva N.V., Abaeva M.R.* Sostyazatel'nost' storon: problemy realizacii principa v dosudebnom proizvodstve // Alleya nauki. – 2019. – T. 3, № 5. – S. 793–796.
7. *Laponova T.N.* Soblyudenie principa sostyazatel'nosti pri rassmotrenii del arbitrazhnymi sudami pervoj instancii // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 2-2. – S. 205–210.
8. *Gorbatko E.A.* Rol' suda, prokurora i advokata v obespechenii principa sostyazatel'nosti ugovnogo sudoproizvodstva // Perspektivy gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii v XXI v.: materialy vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii ad'yunktov, kursantov i slushatelej vuzov MVD Rossii, aspirantov i studentov obrazovatel'nyh organizacij, posvyashchennoj 55-letiyu Rostovskogo yuridicheskogo instituta MVD RF. – Rostov-na-Donu, 2016. – S. 41–43.

УДК 342.9

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ ГРАЖДАНАМ (НА ПРИМЕРЕ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ)

Булавнева Юлия Александровна¹,

e-mail: romahka.2007@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Предметом исследования является рассмотрение вопросов предоставления государственных и муниципальных услуг гражданам. Цель – изучение правового регулирования и проблем предоставления государственных и муниципальных услуг гражданам. При написании работы применялись методы наблюдения, описания, сравнения. Общенаучные и специальные методы позволили выстроить систему аргументов, на основании которых автор пришел к научно-обоснованным выводам. Область применения полученных результатов – административное и муниципальное право, предоставление государственных и муниципальных услуг гражданам. Обосновывается вывод о том, что под физическим лицом (гражданином) необходимо понимать гражданина, имеющего гражданскую правоспособность, содержание которой предполагает, в том числе, право заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью, что и приводит к тому, что физическое лицо может производить товары, выполнять работы и оказывать услуги, получать за это средства из бюджета. Очевидной представляется трансформация бюджетно-правового статуса физических лиц при вступлении их в бюджетные правоотношения в случаях и на условиях, предусмотренных бюджетным законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: бюджет, государственные услуги, муниципальные услуги, граждане, товары, средства, правоотношения, субъект, суд

LEGAL REGULATION AND PROBLEMS OF PROVIDING STATE AND MUNICIPAL SERVICES TO CITIZENS (ON THE EXAMPLE OF BUDGETARY LEGAL RELATIONS)

Bulavneva Yu.A.¹,

e-mail: romahka.2007@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The subject of the research in this article is the consideration of issues of providing state and municipal services to citizens. The purpose of the work is to study the legal regulation and problems of providing state and municipal services to citizens. The following methods were used during the research: methods of observation, description and comparison. General scientific and special methods made it possible to build a system of arguments on the basis of which the author came to scientifically based conclusions. The results of the work are presented in the conclusion. The scope of the results: administrative and municipal law, provision of state and municipal services to citizens. The following conclusions were made as a result of the research: an individual (citizen) is proposed to be understood as a citizen who has civil legal capacity, the content of which implies, among other things, the right to engage in entrepreneurial) and any other activity not prohibited by law, which leads to the fact that an individual can produce goods, perform work and provide services and receive funds from the budget for this. In our opinion, it is obvious that the transformation of the budgetary and legal status of individuals occurs when they enter into budgetary legal relations in the cases and under the conditions provided for by the budget legislation of the Russian Federation.

Keywords: budget, public services, municipal services, citizens, goods, funds, legal relations, subject, court

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-11-15

Исследование вопросов взаимодействия граждан и органов исполнительной власти не является новым. В контексте административной реформы долгие годы велись масштабные дискуссии вокруг института предоставления государственных и муниципальных услуг. Система коммуникации населения с государственными органами власти была модернизирована за счет внедрения информационных технологий.

За последние годы предоставление государственных и муниципальных услуг заняло определенное место в системе функций органов исполнительной власти. Несмотря на то, что источники регламентации договора возмездного оказания услуг и предоставления публичных услуг отличаются, описываемая в них модель взаимоотношений является однородной.

По нашему мнению, операция по предоставлению государственной или муниципальной услуги есть вспомогательный этап в рамках режима, образованного методом административно-правового воздействия (регистрации, легализации, лицензирования). Если же рассматривать предоставление государственных и муниципальных услуг в отрыве от метода административно-правового воздействия, то могут возникнуть вопросы, в том числе и к механизму нормативной регламентации. Любой административный регламент предоставления государственной или муниципальной услуги можно было бы рассматривать в качестве типового договора оказания услуг, поскольку для того, чтобы правовой акт действительно был нормативным, нужно, чтобы он соответствовал режиму как феномену административной деятельности, подразумевающему многократность, статистическую закономерность, интенсивность применения методов административно-правового воздействия в сочетании с иными средствами отраслевого регулирования.

Предоставление государственных и муниципальных услуг гражданам целесообразно рассматривать с позиции административных правоограничений, благодаря которым обеспечивается порядок управления. Например, регистрация по месту жительства выступает ограничением конституционного права на свободу передвижения, а регистрация в качестве самозанятого – ограничением права на свободное использование своих способностей. Правоограничения подобного рода создают основу для получения органами государственного управления информации, ведения учета и проведения оценки объектов в целях профилактической и контрольно-надзорной деятельности.

Рассмотрим более детально вопросы предоставления государственных и муниципальных услуг гражданам на примере бюджетных правоотношений. В юридической науке продолжается обсуждение проблематики субъектного состава бюджетных правоотношений. Исследованию субъектов бюджетного права и их правовой природы посвящено множество научных работ [1]. В общеправовом смысле понятия «субъекты права» и «субъекты правоотношения» считаются в целом равнозначными [2].

На современном этапе, говоря о соотношении указанных понятий, предлагается использовать подход, согласно которому субъекты бюджетного права, круг которых зависит от воли законодателя, реализуя свои субъективные права и выполняя юридические обязанности, становятся субъектами (участниками) бюджетного правоотношения, и наоборот, что в целом показывает равнозначность понятий [3].

Специфика, по нашему мнению, обусловлена, прежде всего, тем, что в бюджетном законодательстве, а именно в п. 1 ст. 1 Бюджетного кодекса Российской Федерации¹ (далее – БК РФ), определен круг отношений, которые законодатель относит к бюджетным правоотношениям. При этом в БК РФ не конкретизируется состав таких отношений, не уточняются напрямую субъекты бюджетных правоотношений, а лишь «положения, касающиеся участников бюджетного процесса»², что и порождает научные дискуссии.

Обратим внимание на то, что в юридической науке сложилось неоднозначное мнение, согласно которому физические лица не являются субъектами бюджетного правоотношения и получателями государственных (муниципальных) услуг [4]. Данный подход наблюдается и в сложившейся судебной практике, в частности при решении дел, связанных с предоставлением субсидии из бюджетов бюджетной системы РФ, со ссылкой на ст. 1, 6 и 152 БК РФ³.

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации: [от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 28 мая 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

² Полякова В.Э. Финансовые услуги. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

³ Бюджетный кодекс Российской Федерации: [от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 28 мая 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

Так, Апелляционным определением Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 10 февраля 2021 г. № 66а-122/2021⁴ предусмотрено, что исходя из положений ст. 1, 152 БК РФ получатель субсидии на компенсацию недополученных доходов не признается непосредственным участником бюджетных правоотношений, а к его правоотношениям, вытекающим из соглашения о предоставлении субсидии, применимы нормы гражданского законодательства.

Судебные инстанции пришли к выводу о том, что правоотношения, возникшие, в частности, между хозяйствующим субъектом (получателем субсидии – производителем товаров, работ и услуг, лицом, претендующим на получение субсидии) и органом, предоставляющим субсидию, несмотря на то, что регулируются в основном нормами БК РФ, не являются бюджетными правоотношениями⁵.

Вызывает интерес позиция, согласно которой БК РФ, устанавливая правовой статус участников бюджетного процесса, правовые основы бюджетных мер принуждения, не регулирует отношения, возникающие в процессе исполнения гражданских договоров, стороной которых являются уполномоченные представители публичных образований⁶. При этом не поясняется, какова природа, например, соглашений о предоставлении средств из бюджетов бюджетной системы РФ (субсидии, гранты, бюджетные инвестиции и т.д.) [5, с. 200].

Отметим, что сложившаяся судебная практика придерживается традиционно ограничительного подхода в отношении физического лица как субъекта бюджетного правоотношения.

В целях тематики настоящей статьи под физическим лицом (гражданином) предлагается понимать гражданина, имеющего гражданскую правоспособность, содержание которой предполагает, в том числе, право заниматься предпринимательской (без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя) и любой иной не запрещенной законом деятельностью, что и приводит к тому, что физическое лицо может производить товары, выполнять работы и оказывать услуги, получать за это средства из бюджета.

Так, например, рассматривая вопросы о зависимости права гражданина на получение мер социальной поддержки и иных компенсационных выплат и распределения бюджетных средств, а также ссылаясь на положения ст. 1, 152 БК РФ, суд пришел к выводу о том, что гражданин не является субъектом бюджетных отношений⁷.

Однако в доктрине бюджетного права встречается позиция, согласно которой, несмотря на то, что физические лица не перечислены в качестве участников бюджетного процесса, в случаях, установленных бюджетным законодательством, они получают бюджетное финансирование в виде предоставления им субсидий, грантов, бюджетных инвестиций, государственных и муниципальных услуг [5, с. 240; 6, с. 300].

Представляется, что с учетом экономической ситуации, эволюции функций государства в связи с пандемией коронавируса [7], ориентированности на решение социально-экономических проблем происходит трансформация правового статуса физического лица (гражданина) и физического лица – производителя товаров, работ, услуг, в том числе и в рамках бюджетных правоотношений.

С целью повышения качества оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере в качестве правового эксперимента до 1 января 2025 г. был принят Федеральный закон РФ от 13 июля 2020 г. № 189-ФЗ⁸.

При исполнении государственного (муниципального) социального заказа физическое лицо – производитель товаров, работ, услуг – является получателем средств из бюджета, что, по мнению автора, выступает признаком вступления в ограниченные по времени, связанные с оказанием государственных

⁴ Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции: [от 10 февраля 2021 г. № 66а-122/2021]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

⁵ Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда по делу № А58-10313/2019: [от 17 ноября 2020 г. № 04АП-4505/2020]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.02.2022). – Текст: электронный.

⁶ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа по делу № А27-9759/2020: [от 21 января 2021 г. № Ф04-6156/2020]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.03.2022). – Текст: электронный.

⁷ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-20224/2020: [от 1 сентября 2020 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

⁸ О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере: федеральный закон Российской Федерации: [от 13 июля 2020 г. № 189-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 29. – Ст. 4499.

(муниципальных) услуг бюджетные правоотношения и позволяет говорить о правосубъектности (пусть и ограниченной) физического лица.

Обратим внимание и на изменения, внесенные Федеральным законом РФ от 29 ноября 2021 г. № 384-ФЗ⁹, которым предусматривается дополнение перечня принципов бюджетной системы РФ принципом участия граждан в бюджетном процессе. При этом в действующей редакции БК РФ не раскрывается, что именно понимать под реализацией данного принципа.

В таблице поправок к законопроекту № 1258306-7 «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2022 г.»¹⁰, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы по бюджету и налогам к принятию, предусмотрено, что данный принцип означает:

– обязанность органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления проводить публичные слушания или общественные обсуждения проектов бюджетов в сроки, позволяющие учесть при подготовке проектов законов (решений) о бюджете результаты проведенных публичных слушаний или общественных обсуждений;

– право и обязанность органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления использовать механизмы по вовлечению граждан в процесс принятия решений, направленных на реализацию мероприятий, имеющих для них приоритетное значение и определяемых с учетом их мнения, с участием законодательных (представительных) органов государственной власти (представительных органов муниципальных образований);

– разработку и реализацию государственных (муниципальных) программ с учетом мнения граждан.

Предполагается, что содержание принципа будет уточнено при внесении соответствующих изменений в БК РФ.

Вероятно, указанные изменения также получат свое доктринальное осмысление, однако уже сейчас представляется очевидной трансформация бюджетно-правового статуса физических лиц при вступлении их в бюджетные правоотношения в случаях и на условиях, предусмотренных бюджетным законодательством Российской Федерации.

Список литературы

1. Поветкина Н.А. Трансформация и особенности архитектуры бюджетного права // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 9. – С. 89–97.
2. Третьяков С.В. Субъективное частное право и «юриспруденция понятий»: кульминация и кризис волевой теории субъективного права // Вестник гражданского права. – 2020. – № 3. – С. 9–42.
3. Пилипенко А.А. Принципы финансового права России и их нормативное закрепление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04. – Москва, 2013. – 26 с.
4. Пауль А.Г. К вопросу о субъектах бюджетного права // Финансовое право. – 2013. – № 6. – С. 14–18.
5. Палозян О.А. Финансово-правовое регулирование бюджетных расходов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04. – Москва, 2017. – 254 с.
6. Матненко А.С. Правовое регулирование программно-целевого метода бюджетной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. – Омск, 2009. – 362 с.
7. Магдилов М.М., Дадаев Д.И. Эволюция функций государства в связи с пандемией COVID-19 // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. – 2020. – Т. 35. – Вып. 3. – С. 82–87.

⁹ О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2022 г.: федеральный закон Российской Федерации: [от 29 ноября 2021 г. № 384-ФЗ (ред. от 28 мая 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 49 (ч. 1). – Ст. 8148.

¹⁰ Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <http://www.sozdduma.gov.ru/bill/1258306-7> (дата обращения: 02.03.2022). – Текст: электронный.

References

1. *Povetkina N.A.* Transformaciya i osobennosti arhitektury byudzhetnogo prava // Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA). – 2020. – № 9. – S. 89–97.
2. *Tret'yakov S.V.* Sub"ektivnoe chastnoe pravo i "yurisprudenciya ponyatij": kul'minaciya i krizis volevoj teorii sub"ektivnogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2020. – № 3. – S. 9–42.
3. *Pilipenko A.A.* Principy finansovogo prava Rossii i ih normativnoe zakreplenie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.04. – Moskva, 2013. – 26 s.
4. *Paul'A.G.* K voprosu o sub"ektah byudzhetnogo prava // Finansovoe pravo. – 2013. – № 6. – S. 14–18.
5. *Palozyan O.A.* Finansovo-pravovoe regulirovanie byudzhetnyh raskhodov: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.04. – Moskva, 2017. – 254 s.
6. *Matnenko A.S.* Pravovoe regulirovanie programmno-celevogo metoda byudzhetnoj deyatel'nosti: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.14. – Omsk, 2009. – 362 s.
7. *Magdilov M.M., Dadaev D.I.* Evolyuciya funkcij gosudarstva v svyazi s pandemiej COVID-19 // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki. – 2020. – T. 35. – Vyp. 3. – S. 82–87.

УДК 347.1

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

Васильев Алексей Олегович¹,

e-mail: a.o.vasilyev@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

В настоящее время происходит активное развитие регламентирования экономико-юридических особенностей деятельности множества отраслей, а деятельность саморегулируемых организаций приобретает все большее значение. За некачественную работу большей части фирм в современных условиях отвечает не государство, а саморегулируемые организации, наделенные некоторыми контрольно-надзорными функциями. В этой связи исследование вопросов становления и развития саморегулируемых организаций в российском государстве в стремительно изменяющихся рыночных условиях приобретает особую значимость, поскольку позволяет выявить предпосылки формирования института саморегулирования, его происхождения, особенности действия на современном этапе хозяйствования, а также спрогнозировать его дальнейшее развитие. Рассматриваются основные вехи зарождения и развития института саморегулируемых организаций в российском государстве с древних времен и до настоящего времени, этапы его правового закрепления и регулирования. В исследовании применены общенаучные, формально-логические методы познания. Формулируется вывод о том, что институт саморегулирования имеет многовековую историю, а основные этапы его генезиса обусловлены общественно-политическими условиями развития отечественного государства.

Ключевые слова: саморегулирование, саморегулируемая организация, профессиональное объединение, некоммерческая организация, ассоциации, союзы, предпринимательская деятельность

EVOLUTION OF SELF-REGULATION INSTITUTION IN RUSSIA

Vasiliev A.O.¹,

e-mail: a.o.vasilyev@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

An active development of regulation of economic and legal features of many industry activities occurs at the present, and the activities of self-regulatory organizations are becoming increasingly important. In modern conditions it is not the state that is responsible for the poor-quality work of most firms but self-regulatory organizations endowed with some control and supervisory functions. In this regard study of forming and development of self-regulating organizations in Russia has particular value in rapidly changing market conditions since it allows us to identify the prerequisites for the forming of self-regulation institution, its origin, specificities of action at present as well as to predict its further development. The article discusses the main milestones of the origin and development of self-regulating organizations institution in Russia from ancient times to the present, the main stages of its legal consolidation and regulation. The research uses general scientific, formal and logical methods of cognition. The author comes to the conclusion that analyzed institution has a centuries-old history; the main stages of its genesis are determined by the socio-political conditions of the development of the state.

Keywords: self-regulation, self-regulating organization, professional association, non-profit organization, associations, unions, business activity

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-16-22

В российском государстве, как и в иных странах, институт саморегулирования имеет свою историю. Следует отметить, что мнения правоведов относительно момента зарождения саморегулирования разнятся. Так, одни полагают, что становление и развитие саморегулируемых организаций приходится на начало 90-х гг. XX в. с развитием рыночной экономики и свободной предпринимательской деятельности, тогда как другие считают, что прообраз института саморегулирования можно увидеть уже в Древней Руси.

К примеру, в своем диссертационном исследовании С.Б. Третьякова называет два основных крупных периода формирования института саморегулирования. Первый период, по ее мнению, включает все время до революции 1917 г., куда входят три этапа: так называемый «доправовой» этап, продолжавшийся с XII в. по XIX в.; этап, начинающийся в XVII в. и заканчивающийся в первой половине XIX в.; этап, проходящий со второй половины XIX в. по 1917 г. Второй период берет свое начало с 1993 г. и продолжается в настоящее время. Период существования СССР автором во внимание не принимается, что объясняется почти полным отсутствием саморегулируемых организаций в данное время [1, с. 16–17].

Е.П. Лапина полагает, что элементы саморегулирования в том его понимании, в каком его представляет современное отечественное законодательство, восходят к Древней Руси, когда первые объединения купцов, созданные на профессиональной основе, защищали интересы своих членов и регулировали свою деятельность едиными торговыми правилами [2, с. 95].

Г.Ф. Шершеневич в свое время отмечал, что прообраз российской саморегулируемой организации существовал в средние века – им считались гильдии (корпорации) купцов, разрабатывающие процедуры правовых отношений между своими участниками самостоятельно¹.

Подобной точки зрения придерживается и А.И. Каминка, утверждая, что характерные черты саморегулирования в XII–XV вв. были присущи артелям торговцев (купцов) и корпорации профессиональных купцов (артелям площадных подъячих). Артели представляли собой организации, отличающиеся сложной системой управления, общим делом, сплоченностью. Их участники вносили в товарищеский капитал определенные взносы, в том числе и дополнительные, а при наличии убытков распределяли ответственность между собой².

Второй этап первого периода (XVII в. – первая половина XIX в., так называемый раннеправовой этап), по мнению С.Б. Третьяковой, характеризуется созданием синдикатов и трестов (картелей), союзов субъектов гражданского оборота (биржевых обществ и комитетов). На этом же этапе создается институт поверенных лиц. В нормативных правовых положениях свое законодательное отражение нашли вопросы по введению в действие некоторых механизмов, присущих саморегулированию. К таковым она относит правовой статус бирж, процедуру избрания контролирующих лиц, контрольно-регулятивные функции и т.д. [1, с. 16].

В качестве примера довольно детального законодательного закрепления саморегулирования торговой сферы на данном этапе можно назвать Новоторговый устав (1667), который был создан по просьбе крупного купечества для ограничения прав в российском государстве иностранных торговцев. Как отмечает Л.Ю. Варенцова, уставом предполагалось создание «особого Приказа купецких дел», которые предназначались для управления отечественными торговцами и их защиты от иностранных притеснений в пограничных городах [3, с. 112].

Третий этап первого периода развития института саморегулирования (вторая половина XIX в. – 1917 г.) уже характеризуется правовым закреплением саморегулирующих механизмов. Согласно П.Б. Салину, при правлении Александра II (1855–1881) развитие саморегулирования идет двумя путями: во-первых, устанавливается саморегулирование публичных профессий (нотариата и адвокатуры), имеющих статус общественно значимых; во-вторых, закрепляется саморегулирование прочих видов социальной деятельности (в первую очередь сюда следует отнести предпринимательскую деятельность) [4, с. 4].

Так, в 1864 г. был принят Судебный устав, которым предусматривалась организация сословия адвокатов, подчиняющихся Совету присяжных поверенных [5, с. 155], создаваемых в каждом судебном округе. Данный совет занимался самостоятельной разработкой правил адвокатской этики и приемов

¹ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: в 4 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. – Москва: Юрайт, 2019. – 397 с.

² Каминка А.И. Очерки торгового права. – Москва: Зерцало, 2007. – С. 56.

адвокатской техники, хотя отдельные этические принципы деятельности адвокатов уже имелись в Учреждении судебных установлений, однако ввиду отсутствия традиций отечественной адвокатуры на указанный момент для эффективной адвокатской работы были не достаточны [6, с. 93].

Т.В. Юрьева, Н.Ю. Миронюк отмечают, что с определенной точки зрения прообразом саморегулируемой организации можно считать Московскую биржу. Исходя из норм современного законодательства, биржа относилась к саморегулируемым хозяйствующим субъектам с добровольным членством. Ее устав, утвержденный в 1870 г., гласил, что биржа – это «место постоянных собраний, производящих в Москве торговые дела лиц для взаимных сношений и совершения сделок по всем отраслям торговли и промышленности, а также получения необходимых по оным сведений» [7, с. 55].

Представительным органом биржи согласно ее уставу провозглашался биржевой комитет, в обязанность которого вменялась защита перед общественными и государственными организациями интересов биржевого общества. Кроме того, биржа была вправе самостоятельно формулировать правила и нормы по ведению торгов, вести за их исполнением соответствующий контроль с правом привлечения к ответственности виновных лиц при нарушении ими установленных правил [8, с. 38].

Таким образом, по мнению А.А. Герасимова, приведенные характеристики Московской биржи обуславливают ее отнесение к современным саморегулируемым организациям вследствие общности их функций [9, с. 50].

В последующие годы имело место принятие различных уставов, содержащих основы справедливости и нравственности, сформировавшиеся в различных профессиональных объединениях ранее. К таковым можно отнести, например, Закон 1886 г., включающий Правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих, Таможенный устав 1892 г. и некоторые другие.

Соответственно, как отмечает С.Б. Третьякова, именно третий этап первого периода развития института саморегулирования стал началом его правового регулирования, перейдя из социального в социально-правовое явление [1, с. 17].

Декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета, Советом народных комиссаров РСФСР от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» все наличествующие на тот момент ремесленные объединения были упразднены, прекратили свое существование «все существовавшие доныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и всегражданские чины»³.

В связи с указанным С.Б. Третьякова полагает, что на всем протяжении советского этапа развития российского государства институт саморегулирования дальнейшего развития не получил, а второй период, как уже отмечалось, начался уже в 90-х гг. XX в. Между тем мы склонны не согласиться с данным выводом, поскольку элементы саморегулирования в советское время все же встречаются, например в качестве принципа деятельности системы нотариата и адвокатуры.

Кроме того, как отмечает А.Ф. Алгазина, в истории советского государства встречаются примеры выполнения публичных полномочий субъектами, которые органами государственной власти не являлись [6, с. 94]. Например, после принятия Центральной избирательной комиссией и Советом народных комиссаров РСФСР Постановления от 23 июня 1933 г. «Об объединении Народного комиссариата труда Союза ССР с Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов»⁴ все функции наркомата были переданы профсоюзам, которые получили права по управлению и организации производством, формулированию правовых положений, регулирующих вопросы труда служащих и рабочих, рассмотрению трудовых споров и т.п.

Дальнейшее развитие института саморегулирования в России в его современном понимании связано с глобальными переменами в государственном управлении и появлением в стране рыночных отношений. Новые условия требовали, во-первых, устранения излишнего регулирования экономической деятельности со стороны государства и ограничения государственного вмешательства в данную сферу

³ Об уничтожении сословий и гражданских чинов: декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета, Совета народных комиссаров РСФСР: [от 10 ноября 1917 г.] // Собрание узаконений РСФСР. – 1917. – № 3. – Ст. 31.

⁴ Об объединении Народного комиссариата труда СССР с Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов: постановление Центральной избирательной комиссии СССР, Совета народных комиссаров СССР, Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов: [от 23 июня 1933 г.] // Собрание узаконений СССР. – 1933. – № 40. – Ст. 238.

отношений, во-вторых, уменьшения численности государственного аппарата, в-третьих, наращивания качества оказываемых работ и услуг со стороны субъектов профессиональной (в том числе предпринимательской) деятельности [10, с. 115].

Непосредственно термин «саморегулируемая организация» впервые в отечественном законодательстве появился в Указе Президента РФ от 4 ноября 1994 г. № 2063 «О мерах по государственному регулированию рынка ценных бумаг в Российской Федерации»⁵. Так, в п. 6 указа закреплялись полномочия Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку (далее – ФКЦБ) при Правительстве РФ. Среди данных полномочий отмечалось регулирование рынка ценных бумаг и деятельности его профессиональных участников и их объединений, в том числе саморегулируемых организаций, путем принятия соответствующих распоряжений и постановлений, а также контроль за соблюдением законодательства в данной сфере. Таким образом, можно говорить о том, что в самом начале становления современного правового регулирования института саморегулирования подобные организации в нормативных правовых актах использовались только лишь как объекты воздействия со стороны государства.

С.Ю. Поляков указывает, что принятие в 1994 г. Гражданского кодекса Российской Федерации⁶ послужило мощным стимулом для совершенствования законодательства о некоммерческих юридических лицах, имеющих различные организационно-правовые формы, включая саморегулируемые организации [11, с. 86].

В дальнейшем нормы о саморегулируемых организациях в российском законодательстве начали появляться чаще. Так, в Федеральном законе РФ от 18 июля 1995 г. № 108-ФЗ «О рекламе»⁷ закреплялись права органов саморегулирования в рекламной деятельности, к которым законодатель отнес ассоциации и союзы юридических лиц, а также объединения (общественные организации).

Более или менее полно в отечественной правовой практике институт саморегулирования был представлен в функционировании участников рынка ценных бумаг, осуществляющих свою деятельность на профессиональной основе. Понятие одного из видов саморегулируемых организаций было закреплено в ст. 48 Федерального закона РФ от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»⁸, где таковая определялась как объединение профессиональных участников рынка ценных бумаг, осуществляемое на добровольной основе и действующее согласно указанному закону в качестве некоммерческой организации.

Следующим федеральным законом, где шла речь о саморегулировании, стал Закон от 7 августа 2001 г. № 119-ФЗ «Об аудиторской деятельности»⁹, в п. 1 ст. 20 которого законодатель использует термин «саморегулируемое объединение». Таковым признается саморегулируемое профессиональное объединение аудиторов, индивидуальных аудиторов и аудиторских организаций, учрежденное и аккредитованное в предусмотренном законом порядке. Цель создания аудиторского саморегулируемого объединения состоит в формировании необходимых для ведения аудиторской деятельности условий аудиторами – членами объединения – и защиты их интересов. Аудиторское объединение осуществляет свои функции на некоммерческой основе, будучи некоммерческим юридическим лицом, и законом наделяется правом по установлению для своих участников обязательных правил аудиторской деятельности (стандартов), а также норм профессиональной этики. При этом объединение аудиторов ведет на систематической основе контроль за соблюдением установленных норм и правил.

В качестве еще одного примера саморегулируемого профессионального объединения следует назвать Российский союз автостраховщиков. Его создание предусмотрено ст. 24 Федерального закона РФ от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев

⁵ О мерах по государственному регулированию рынка ценных бумаг в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации: [от 4 ноября 1994 г. № 2063 (ред. от 14 июля 2011 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 28. – Ст. 2972 [утратил силу].

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1): [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25 февраля 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁷ О рекламе: федеральный закон Российской Федерации: [от 18 июля 1995 г. № 108-ФЗ (ред. от 21 июля 2005 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 30. – Ст. 2864 [утратил силу].

⁸ О рынке ценных бумаг: федеральный закон Российской Федерации: [от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 16 апреля 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

⁹ Об аудиторской деятельности: федеральный закон Российской Федерации: [от 7 августа 2001 г. № 119-ФЗ (ред. от 30 декабря 2008 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (ч. 1). – Ст. 3422 [утратил силу].

транспортных средств»¹⁰. Союз выступает как некоммерческое юридическое лицо и является единым общероссийским профессиональным объединением, действующим на основе принципа обязательного членства страховщиков. Цель союза, как и в случае с аудиторскими организациями, заключается в обеспечении взаимодействия страховщиков между собой и создании правил их профессиональной деятельности по реализации задачи по обязательному страхованию. Кроме того, специальной задачей союза считается обеспечение согласно действующему законодательству проведения технического осмотра транспортных средств.

Следующей законодательно закреплённой саморегулируемой организацией стала организация арбитражных управляющих, предусмотренная ст. 2 Федерального закона РФ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹¹. Под таковой понимается основанная на членстве некоммерческая организация, учрежденная российскими гражданами, которые состоят в едином государственном реестре арбитражных управляющих. Целями функционирования данной саморегулируемой организации являются обеспечение и регулирование деятельности арбитражных управляющих.

Кроме закрепления в законодательных актах идея о саморегулировании в сфере бизнеса и профессиональной деятельности упоминается и в государственных федеральных программах. Так, в Федеральной программе господдержки малого предпринимательства, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2000 г. № 121¹², предусматривается дальнейший отказ государства от регламентации некоторых сторон функционирования малого бизнеса. Следовательно, соответствующие функции передаются самим хозяйствующим субъектам, что делает их саморегулируемыми. Данная мера в указанной программе называется одним из первостепенных способов реализации целей, заложенных в программе.

Официальное нормативное закрепление институт саморегулирования в России получил в 2007 г. с принятием Федерального закона РФ от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»¹³ (далее – Закон, Закон № 315-ФЗ). Законом законодатель определил общее понятие саморегулируемой организации (без отвлечения на ее отдельные виды) и обозначил основные цели, принципы и функции ее деятельности. Как указывает в своем диссертационном исследовании Д.О. Грачев, в Законе № 315-ФЗ предполагается одновременное функционирование двух моделей саморегулируемых организаций: первая модель базируется на добровольном членстве в объединениях юридических и физических лиц, а вторая подразумевает обязательное членство [12, с. 60]. Разработка и принятие Закона № 315-ФЗ, по мнению некоторых правоведов, являются началом развития современного законодательства в сфере регламентации института саморегулирования в Российской Федерации [11, с. 86].

Следующим шагом отечественного законодателя становится принятие дополнительных специальных законов, содержащих нормы о саморегулируемых организациях в различных сферах деятельности. Таковым, к примеру, можно назвать Федеральный закон РФ от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка»¹⁴. Его появление определяется тем обстоятельством, что действия Закона № 315-ФЗ не предполагались в отношении участников финансового рынка, регламентация саморегулирования которых велась согласно целому комплексу иных нормативных правовых актов без привязки к единому документу.

В настоящее время в научных кругах проводятся активные дискуссии по поводу введения института саморегулирования в таких сферах, как жилищно-коммунальное хозяйство, пожарная безопасность, здравоохранение и др.

¹⁰ Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федеральный закон Российской Федерации: [от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (ред. от 1 апреля 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 18. – Ст. 1720.

¹¹ О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон Российской Федерации: [от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г., с изм. от 3 февраля 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

¹² О Федеральной программе государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 2000–2001 гг.: постановление Правительства Российской Федерации: [от 14 февраля 2000 г. № 121] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 8. – Ст. 959.

¹³ О саморегулируемых организациях: федеральный закон Российской Федерации: [от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 49. – Ст. 6076.

¹⁴ О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка: федеральный закон Российской Федерации: [от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (ч. 1). – Ст. 4349.

Таким образом, история российского государства показывает, что институт саморегулирования нельзя отнести к правовой категории современности. Его прообраз, отдельные элементы обнаруживаются уже в Древней Руси с момента появления добровольных объединений купцов (торговцев), существовавших довольно длительное время. Первые прототипы обязательного саморегулирования создаются лишь в XVIII в., постепенно приобретая правовое закрепление в различных уставах, предусматривающих самоуправление и самозащиту своих участников со стороны профессиональных объединений. Некоторый застой в развитии института саморегулирования наблюдается в советское время ввиду особенностей государственного устройства, однако и в данный период встречаются некоторые его элементы в сфере адвокатуры и нотариата. Дальнейшее развитие саморегулирования становится возможным в 90-х гг. XX в., когда принимаются нормативные правовые акты, содержащие отдельные положения о саморегулировании участников рынка ценных бумаг, автостраховщиков и др. Полноценное становление института саморегулирования происходит с момента вступления в силу Федерального закона РФ от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», обобщившего накопленные знания о саморегулировании в едином документе, а также официально предусмотревшего одновременное функционирование двух моделей саморегулирования – обязательного и добровольного.

Последующее развитие института саморегулирования в российском государстве связано с принятием специальных нормативных правовых актов, закрепляющих обязательное саморегулирование специалистов определенных сфер деятельности, при этом спектр таких сфер деятельности постепенно изменяется в сторону увеличения.

Список литературы

1. Третьякова С.Б. Саморегулируемые организации как субъекты российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Москва, 2013. – 27 с.
2. Лапина Е.П. Становление института саморегулирования предпринимательской деятельности // Экономика. Налоги. Право. – 2013. – № 1. – С. 95–99.
3. Варенцова Л.Ю. Принцип системы права в «Новоторговом уставе», принятом в российском государстве 22 апреля 1667 г. // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 109–112.
4. Салин П.Б. Становление и развитие института саморегулируемой организации в Российской Федерации (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Санкт-Петербург, 2010. – 22 с.
5. Кепов В.А. Исторические предпосылки и этапы формирования правовых основ саморегулирования // Право и образование. – 2011. – № 7. – С. 155–162.
6. Алгазина А.Ф. История возникновения и развития саморегулирования в России // Правоприменение. – 2017. – № 2. – С. 90–99.
7. Юрьева Т.В., Миронюк Н.Ю. Саморегулирование: история вопроса и перспективы развития // Экономический анализ: теория и практика. – 2011. – № 44. – С. 54–58.
8. Басова А.В. Саморегулируемые организации как субъекты предпринимательского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2008. – 218 с.
9. Герасимов А.А. Правовое регулирование деятельности саморегулируемых организаций: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2011. – 224 с.
10. Лескова Ю.Г. Становление и развитие саморегулируемых организаций в современной России: исторический и правовой аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2-2. – С. 115–121.
11. Поляков С.Ю. Институт саморегулирования в российской правовой системе: становление и генезис // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 3. – С. 85–88.
12. Грачев Д.О. Правовой статус саморегулируемых организаций: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2008. – 141 с.

References

1. Tret'yakova S.B. Samoreguliruyemye organizacii kak sub'ekty rossijskogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. – Moskva, 2013. – 27 s.

2. *Lapina E.P.* Stanovlenie instituta samoregulirovaniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti // *Ekonomika. Nalogi. Pravo.* – 2013. – № 1. – S. 95–99.
3. *Varencova L.Yu.* Princip sistemy prava v “Novotorgovom ustave”, prinyatom v rossijskom gosudarstve 22 aprelya 1667 g. // *Yuridicheskaya tekhnika.* – 2020. – № 14. – S. 109–112.
4. *Salin P.B.* Stanovlenie i razvitie instituta samoreguliruemoj organizacii v Rossijskoj Federacii (istoriko-pravovoe issledovanie): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01. – Sankt-Peterburg, 2010. – 22 s.
5. *Kepov V.A.* Istoricheskie predposylki i etapy formirovaniya pravovyh osnov samoregulirovaniya // *Pravo i obrazovanie.* – 2011. – № 7. – S. 155–162.
6. *Algazina A.F.* Istoriya vzniknoveniya i razvitiya samoregulirovaniya v Rossii // *Pravoprimenenie.* – 2017. – № 2. – S. 90–99.
7. *Yur'eva T.V., Mironyuk N.Yu.* Samoregulirovanie: istoriya voprosa i perspektivy razvitiya // *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika.* – 2011. – № 44. – S. 54–58.
8. *Basova A.V.* Samoreguliruemye organizacii kak sub"ekty predprinimatel'skogo prava: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. – Moskva, 2008. – 218 s.
9. *Gerasimov A.A.* Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti samoreguliruemym organizacij: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. – Moskva, 2011. – 224 s.
10. *Leskova Yu.G.* Stanovlenie i razvitie samoreguliruemym organizacij v sovremennoj Rossii: istoricheskij i pravovoj aspekty // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* – 2011. – № 2-2. – S. 115–121.
11. *Polyakov S.Yu.* Institut samoregulirovaniya v rossijskoj pravovoj sisteme: stanovlenie i genezis // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2013. – № 3. – S. 85–88.
12. *Grachev D.O.* Pravovoj status samoreguliruemym organizacij: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. – Moskva, 2008. – 141 s.

УДК 342.9

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Власова Евгения Игоревна¹,*e-mail: jenya96@list.ru,*¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Проблема коррупции, особенно в нашей стране, является одной из самых распространенных и обсуждаемых в общественных кругах. Истоки ее формирования берут свое начало еще со времени становления Древнерусского государства и действия института «кроплений». Рассматриваются условия и основания предупреждения проявления гражданскими служащими коррупционного поведения, которые могут повлиять на качество и объективность принимаемых ими управленческих решений и выполнение служебных обязанностей. Отдельно исследуются такие понятия, как личная заинтересованность и конфликт интересов, прямо влияющие на состояние коррупционности в поведении гражданских служащих. Отмечаются проблемы реализации мероприятий по предупреждению коррупционного поведения государственных гражданских служащих и разрабатываются способы их решения. Это позволит как разрешить проблемы проявления действия коррупционных факторов в деятельности государственных гражданских служащих, так и повысить эффективность борьбы с проявлениями в служебной деятельности коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, коррупция, личная заинтересованность, конфликт интересов, коррупционное поведение

PREVENTION OF CORRUPT BEHAVIOR OF STATE CIVIL SERVANTS

Vlasova E.I.¹,*e-mail: jenya96@list.ru,*¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The problem of corruption, especially in our country, is one of the most widespread and discussed in public circles. The origins of its formation originate from the time of the formation of the Old Russian state and the operation of the institute of “feedings”. The article discusses the conditions and grounds for preventing the manifestation of corrupt behavior by civil servants, which may affect the quality and objectivity of their managerial decisions and the performance of official duties. Such concepts as personal interest and conflict of interests are considered separately, which directly affect the state of corruption in the behavior of civil servants. The article also highlights the problems of implementing measures to prevent corrupt behavior of state civil servants and develops measures to resolve them. This will allow us both to solve the problems of the manifestation of the action of corruption-causing factors in the activities of public civil servants, and to increase the effectiveness of the fight against manifestations of corruption offenses in official activities.

Keywords: state civil service, corruption, personal interest, conflict of interests, corrupt behavior

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-23-28

В системе государственной гражданской службы коррупционное поведение определяется как проявление служащим личной заинтересованности, которая может привести к конфликту интересов. Соответственно, конфликт интересов – это первооснова и предпосылка возникновения и действия коррупции, взяточничества и распространения данных противоправных действий. Конфликт интересов влияет на деятельность служащих, когда их личная заинтересованность может повлиять на объективность принимаемых управленческих решений. В конечном итоге это приводит не только к

проявлению служащими коррупционных и бюрократических противоправных действий, но и к снижению уровня удовлетворенности гражданами институтами государственной и муниципальной службы, а также имиджа служащих как такового.

В связи с этим ключевое обстоятельство и условие проявления гражданским служащим коррупционного поведения при выполнении возложенных должностных обязанностей, исходя из содержания должности и закреплённого по ней должностного регламента, – возникновение у служащего личной заинтересованности и конфликта интересов [1, с. 62].

Конфликт интересов может проявляться и действовать в любых управленческих отношениях. Он имеет свое правовое закрепление и регулирование в системе служебных отношений, а конкретно в системе государственной и муниципальной службы.

Так, впервые термин «конфликт интересов» можно обнаружить в ст. 10 Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Судя по наименованию и содержанию нормативного акта, в котором раскрывается понятие конфликта интересов, он связан с проявлением коррупции и совершением коррупционного правонарушения в целом.

Так, обращаясь к ч. 1 ст. 10 Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», можно следующим образом определить понятие конфликта интересов: «Ситуация, при которой личная заинтересованность влияет на объективность принимаемых управленческих решений и выполнения служебных обязанностей»¹.

Исходя из представленного понятия, можно сказать, что конфликтом интересов является:

- конкретная ситуация, которая реализуется в служебной деятельности. Отсылка в определении на служебную деятельность определена тем, что отмечается лицо, которое замещает конкретную должность. Должность устанавливается в служебной деятельности и закрепляет за ее обладателем конкретные полномочия и компетенции деятельности, которые обязательны для исполнения. В противном же случае могут быть применены меры юридической ответственности в отношении лица, не соблюдающего предписанные в его адрес полномочия и компетенции деятельности по должности;

- ситуация, которая влияет на объективность и беспристрастность исполнения служащими своих служебных обязанностей. Такие обязанности непосредственно регламентированы в должностном регламенте служащего. В этом случае осуществляется их намеренное превышение;

- проявление личной заинтересованности лицом, которое осуществляет служебную деятельность [2, с. 52]. Личная заинтересованность при этом находит свое отдельное определение в ч. 2 ст. 10 Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Так, она определяется как возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав или других услуг материального характера.

Исходя из содержания ст. 10 Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», можно отметить, что конфликт интересов в ней трактуется как негативное понятие. Это подтверждается выделением обязанностей принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. Такая обязанность возлагается как на самих служащих в системе государственной и муниципальной службы, так и на их нанимателей в лице органов власти и управления, а также на отдельных должностных лиц, которые являются представителями таких нанимателей.

Кроме того, ст. 11 Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» открыто регламентирует мероприятия, направленные на предотвращение и урегулирование конфликта интересов.

К условиям, которые способствуют возникновению коррупционного поведения в деятельности гражданского служащего, можно отнести:

- 1) ненадлежащее исполнение служащим возложенных на него должностных обязанностей [3, с. 55], что является не только основанием возникновения и действия конфликта интересов, но и условием возможного совершения любых других противоправных действий. Такие действия нарушают установленные нормы права в нормативных актах. Так, в отношении служебной деятельности – это

¹ О противодействии коррупции: федеральный закон Российской Федерации: [от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ] // Российская газета. – 2008. – № 266. – 30 декабря.

нарушение норм права, регламентированных в локальных нормативных актах, а конкретно в должностном регламенте, который закрепляет правовой статус служащего. Данный статус регламентирует совокупность его прав, обязанностей и ответственности;

2) ненадлежащий контроль за служебной деятельностью служащего. Положения Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» устанавливают обязанность представителя нанимателя осуществлять контроль за деятельностью служащего и сообщать в комиссию по урегулированию служебных споров и конфликта интересов о риске совершения им коррупционного противоправного действия в связи с возникновением конфликта интересов. Кроме того, представитель нанимателя служащего самостоятельно инициирует процесс перевода служащего на иную должность, если будет установлена его подверженность конфликту интересов и личной заинтересованности;

3) отсутствие критериев деятельности и поведения служащего, которые могут выявить риск проявления им конфликта интересов и коррупционного противоправного действия в дальнейшем. Так, к таким критериям можно отнести:

- снижение эффективности выполняемой служебной деятельности служащим;
- сокрытие доходов и расходов, имущественных обязательств служащего от представителя нанимателя;
- снижение уровня удовлетворенности гражданами служебной деятельностью служащего и т.д.

Важнейшим критерием деятельности служащего, который определяет риск возникновения у него конфликта интересов, является сокрытие доходов и расходов, имущественных обязательств от представителя нанимателя.

Соответственно, главное условие и обстоятельство по предупреждению проявления служащим коррупционного поведения – регулирование риска возникновения у него личной заинтересованности и конфликта интересов.

Так, например, обратившись к ст. 19 Федерального закона РФ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», можно установить мероприятия по урегулированию конфликта интересов. К ним относят:

- обязанность служащего сообщать о попытках проявления конфликта интересов;
- изменение служебного положения служащего;
- создание специализированной комиссии, которая ведает вопросами регулирования конфликта интересов на гражданской службе – комиссия по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов (далее – Комиссия);
- сообщение представителем нанимателя о риске возникновения конфликта интересов на службе².

В общем и целом можно отметить пути устранения условий и обстоятельств, влияющих на проявление гражданским служащим коррупционного поведения при выполнении возложенных на него должностных обязанностей.

1. *Изменение должностного положения служащего, у которого возникает риск конфликта интересов – ротация.* Ротация служащих осуществляется, в том числе, и в случаях, если высок риск совершения служащим коррупционного противоправного действия по причине возникновения личной заинтересованности и конфликта интересов. Представитель нанимателя такого служащего обязуется осуществить ротацию и перевести его на другую должность, чтобы снизить риск проявления конфликта интересов.

2. *Отстранение служащего от выполнения должностных обязанностей* [4, с. 45]. Представитель нанимателя служащего обязуется осуществить его отстранение от выполнения должностных обязанностей в случае, если выяснится риск совершения служащим коррупции и взяточничества. Отстранение осуществляется до того момента, пока не будет установлен или не установлен факт возникновения и действия конфликта интересов и личной заинтересованности. В случае такого отстранения служащий сохраняет за собой денежное содержание по должности.

² О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации: [от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

3. *Самостоятельный отказ служащего от материальной, имущественной выгоды.* Служащий самостоятельно отказывается от материальной, имущественной выгоды, что может быть расценено как проявление им личной заинтересованности. Служащий обязуется сообщить своему представителю нанимателя о возникновении у него конфликта интересов и отказаться от имущественной, материальной выгоды.

4. *Создание в органе власти Комиссии.* Ее состав формируется таким образом, чтобы исключить возможность возникновения конфликта интересов, который мог бы повлиять на объективность принимаемых Комиссией решений.

Основаниями для проведения заседаний Комиссии являются:

- проверка факта возникновения личной заинтересованности и конфликта интересов у служащего;
- возникновение необходимости разрешения конфликта интересов;
- проверка достоверности сведений о доходах, расходах и обязательствах имущественного характера служащего и т.д.

По итогам заседания Комиссия принимает одно из следующих решений:

- служебное поведение служащего соответствует должностной компетенции и регламенту;
- служебное поведение служащего не соответствует должностной компетенции и регламенту.

5. *Увольнение представителем нанимателя служащего в случае не урегулирования им конфликта интересов* [5, с. 47]. Как уже отмечалось ранее, служащий обязуется самостоятельно урегулировать риск возникновения у него конфликта интересов, сообщая о возникновении данного факта своему представителю нанимателя. Если такое регулирование не было осуществлено, а также в случае, если конфликт интересов на самом деле был зафиксирован, представитель нанимателя служащего вправе его уволить, т.е. применить соответствующую меру дисциплинарного взыскания и ответственности.

6. *Решение проблем квалификации взяточничества.* Это позволяет представителю нанимателя эффективнее определять риск возникновения у служащего личной заинтересованности и конфликта интересов. Так, к проблемам квалификации взяточничества относят:

1) отсутствие критериев оценки предмета взятки [6, с. 153]. Для решения данной проблемы предлагается закрепление критериев оценки предмета взятки. Такие критерии должны позволить ответить на вопрос определения конкретного размера тех предметов взятки, у которых сделать это либо проблематично, либо невозможно (например, оказание различных услуг имущественного характера). К таким критериям предлагается отнести денежную оценку предмета взятки, размер базового тарифа предмета взятки, стоимость издержек на затраты предмета взятки и т.д. [7, с. 30];

2) отсутствие признаков разграничения составов мошенничества и получения взятки. Предлагается закрепление следующих признаков разграничения составов мошенничества и получения взятки:

- отсутствие факта обмана и злоупотребления доверием при получении взятки;
- отсутствие признаков хищения имущества при получении взятки и добровольная передача взятки взяткополучателю.

В случае отсутствия представленных фактов и признаков будет прослеживаться состав получения взятки.

7. *Активное проведение мероприятий по профилактике коррупции* [8, с. 45]. К таким мероприятиям можно отнести:

- осуществление контроля за проведением органами управления всех необходимых мер, направленных на профилактику коррупции, в том числе и предложенных мероприятий по решению спорных вопросов и проблем квалификации взяточничества.

Будет осуществлена градация по трем группам:

1) высокая степень эффективности профилактики коррупции (реализация 9–11 мероприятий в сфере противодействия коррупции; всего мероприятий – 11 ед.);

2) средняя степень эффективности профилактики коррупции (реализация 5–9 мероприятий в сфере противодействия коррупции; всего мероприятий – 11 ед.);

3) низкая степень эффективности профилактики коррупции (реализация до 4 мероприятий в сфере противодействия коррупции; всего мероприятий – 11 ед.);

– осуществление контроля за применением органами управления правовых актов, регламентирующих реализацию их полномочий в сфере профилактики коррупции, в том числе и предложенных мероприятий по решению спорных вопросов и проблем квалификации взяточничества.

Будет осуществлена градация по трем группам:

1) высокая степень эффективности применения органами управления правовых актов, регламентирующих реализацию их полномочий в сфере профилактики коррупции (реализация всех актов по каждому мероприятию в сфере профилактики коррупции);

2) средняя степень эффективности применения органами управления правовых актов, регламентирующих реализацию их полномочий в сфере профилактики коррупции (отсутствие 1–5 актов по каждому мероприятию в сфере профилактики коррупции);

3) низкая степень эффективности применения органами управления правовых актов, регламентирующих реализацию их полномочий в сфере профилактики коррупции (отсутствие от 5 актов по каждому мероприятию в сфере профилактики коррупции).

Реализация на практике представленных мероприятий должна позволить добиться следующих результатов:

– достижение высокого уровня готовности института гражданской службы к проведению мероприятий по противодействию проявления коррупции;

– прогнозирование риска и источников проявления коррупции;

– накопление опыта и использование наработанных механизмов в сфере противодействия коррупции.

Таким образом, представленные мероприятия должны позволить разрешить проблемы проявления гражданскими служащими коррупционного поведения при выполнении служебных обязанностей. Соответственно, снизится уровень коррупции как в системе государственной гражданской службы, так и по стране в целом, что повысит имидж гражданского служащего в лице населения.

Список литературы

1. Кокурхаева Р.М.-Б., Люев Р.Х. Коррупция: содержание, профилактика, пути противодействия // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 3-4. – С. 62–65.
2. Мишин А.А. О психологических аспектах коррупционного поведения // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2021. – № 2. – С. 52–54.
3. Коляка М.С. Проблема коррупции в области государственной службы // Вестник магистратуры. – 2019. – № 10-1. – С. 55–57.
4. Гладких В.Н. Противодействие коррупции в системе государственного и муниципального управления // Цифровая наука. – 2021. – № 6-2. – С. 40–54.
5. Дворецкая Е.С. К вопросу о профилактике коррупционного поведения // Наука, образование и культура. – 2019. – № 10. – С. 47–49.
6. Захарчук С.Д. Проблемные вопросы определения предмета взяточничества // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 4. – С. 153–163.
7. Егорова Л.А., Гибадулинова Л.Р., Бабаева Ю.Г. Взятничество как элемент коррупции // Успехи в химии и химической технологии. – 2018. – Т. 32, № 4. – С. 29–31.
8. Микитюк Ю.В., Заброда Д.Г. Предупреждение коррупции: психолого-педагогический подход // Общество и право. – 2018. – № 1. – С. 40–46.

References

1. Kokurhaeva R.M.-B., Lyuev R.H. Korrupciya: sodержanie, profilaktika, puti protivodejstviya // Zhurnal prikladnyh issledovanij. – 2021. – № 3-4. – S. 62–65.
2. Mishin A.A. O psihologicheskikh aspektah korrupcionnogo povedeniya // Teoriya i praktika sociogumantarnyh nauk. – 2021. – № 2. – S. 52–54.
3. Kolyaka M.S. Problema korrupcii v oblasti gosudarstvennoj sluzhby // Vestnik magistratury. – 2019. – № 10-1. – S. 55–57.
4. Gladkih V.N. Protivodejstvie korrupcii v sisteme gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya // Cifrovaya nauka. – 2021. – № 6-2. – S. 40–54.

5. *Dvoreckaya E.S.* K voprosu o profilaktike korrupcionnogo povedeniya // Nauka, obrazovanie i kul'tura. – 2019. – № 10. – S. 47–49.
6. *Zaharchuk S.D.* Problemnye voprosy opredeleniya predmeta vzyatochnichestva // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2019. – № 4. – S. 153–163.
7. *Egorova L.A., Gibadulinova L.R., Babaeva Yu.G.* Vzyatochnichestvo kak element korrupcii // Uspekhi v himii i himicheskoy tekhnologii. – 2018. – T. 32, № 4. – S. 29–31.
8. *Mikityuk Yu.V., Zabroda D.G.* Preduprezhdenie korrupcii: psihologo-pedagogicheskij podhod // Obshchestvo i pravo. – 2018. – № 1. – S. 40–46.

УДК 342.951:351.82

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гамза Анастасия Александровна¹,

e-mail: gamza_2001@mail.ru,

Чуйко Анна Анатольевна¹,

e-mail: anch2712@gmail.com,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Подчеркивается, что реклама является неотъемлемой частью современности. Рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования обеспечения защиты прав потребителей в сфере рекламной деятельности, а также административной ответственности в предложенной области. Исследуются проблемы рекламирования алкогольной и безалкогольной продукции, в том числе блогерами. Анализируются различные позиции правоведов. Выделяется проблема незаконного бездействия органов государственной власти. Приводится анализ полномочий органов государственной власти в сфере рекламы. Акцент делается на изучении «малозначительности» правонарушения в области рекламной деятельности. Предлагаются обстоятельства малозначительности, точки зрения ученых, а также исследуется судебная практика в предложенной сфере. Изучается вопрос о возможности рассылки рекламы с помощью электронных средств. На основании проведенного анализа формируются соответствующие выводы и перспективы развития упомянутых правоотношений. К основным предложениям относятся увеличение штрафа для блогеров, сокращение уровня рекламирования безалкогольной продукции и др. Резюмируется необходимость уделить внимание противодействию коррупции в сфере оборота рекламы.

Ключевые слова: защита прав потребителей, рекламная деятельность, административная ответственность

CONSUMER PROTECTION AND SOME ASPECTS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF ADVERTISING

Gamza A.A.¹,

e-mail: gamza_2001@mail.ru,

Chuiko A.A.¹,

e-mail: anch2712@gmail.com,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

Advertising is an integral part of modernity. The article describes the problematic issues of legal regulation of consumer protection in the field of advertising, as well as administrative responsibility in the proposed area. The problems of advertising alcoholic and non-alcoholic products have been studied, including those, which arise when the advertising is made by bloggers. Various positions of lawyers are presented and analyzed. The problem of illegal inaction of public authorities is highlighted. In this regard, an analysis of the powers of public authorities in the field of advertising is given. In addition, the emphasis is on studying the “insignificance” of an offense in the field of advertising. The circumstances of insignificance are highlighted, the opinions of scientists are given, and judicial practice in the proposed area is also investigated. The issue of the possibility of sending advertising by electronic means is considered. Based on the analysis, the relevant conclusions were made and prospects for the development of the above-mentioned legal relations were proposed. The main proposals include: increasing the fine for bloggers; reduction in the level of advertising of non-alcoholic products and others. It also highlights the need to pay attention to combating corruption in the field of advertising circulation.

Keywords: consumer protection, field of advertising, administrative responsibility

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-29-33

В современном мире реклама является одним из важных элементов в конкурентной борьбе производителей, который может как массово увеличить продажи рекламированного товара, так и опорочить продукцию конкурентов. Кроме того, наблюдается рост административных правонарушений в целом [1]. Именно поэтому так важен действенный механизм защиты общественных отношений в сфере рекламной деятельности.

Все люди заботятся не только о своем здоровье, но и близких. В России в 2018 г. от причин, связанных с алкоголем, умерли 48 786 человек, в 2019 г. – 47 427, в 2020 г. – 50 435¹. На национальном уровне закреплено, что реклама алкогольной продукции не должна размещаться в сети Интернет², а в случае нарушения предложенного запрета наступает штраф в размере санкции, предусмотренной ст. 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)³. Однако если в качестве примера вспомнить блогеров, которые могут получать большие деньги за рекламу на своем аккаунте, то указанная сумма (2000–2500 р.) за нарушение законодательства является несоразмерной [2]. Так, например, топ-блогеры с аудиторией от 2 млн человек в Инстаграме могут рекламировать товар/услугу за 120 тыс. р. Понятно, что эта сумма колеблется, однако такая цифра – средний показатель. Исходя из этого, для защиты прав потребителей возможно увеличить штраф для блогеров, например от 10 до 30 тыс. р, а на блогеров, являющихся должностными лицами, – от 30 до 50 тыс. р.

Кроме того, в последнее время как потребление, так и рекламирование безалкогольного пива выросло. Многие граждане России из-за побуждений защитить здоровье своих близких, особенно детей, хотели бы, чтобы баннеров и рекламы безалкогольной продукции стало меньше. Руководитель федерального проекта «Трезвая Россия» Султан Хамзаев в 2020 г. выступил с предложением запретить на территории Российской Федерации рекламу безалкогольного пива⁴. Представляется, что человек, просматривая рекламу безалкогольной продукции, не воспринимает ее как таковую, а начинает думать о пиве как об алкогольном товаре. Соответственно, на неосознанном уровне происходит пропаганда алкоголя, в связи с чем предложение о необходимости сокращения рекламирования безалкогольной продукции вполне обосновано.

Актуальным в регулировании рекламной деятельности в России является вопрос о *product placement*, что в переводе с английского означает «скрытая реклама». К ней относят упоминание о товаре, логотипе, фирме в телепередаче, фильме актером или голосом за кадром, а также использование товара той или иной фирмы героями фильма.

Выделяют несколько условий, которые разрешают использование скрытой рекламы. Во-первых, она допустима в произведениях литературы, науки или искусства. Во-вторых, внимание должно быть заострено не на товаре, а именно на его характеристике и достоинстве. В-третьих, реклама должна быть «адресована неопределенному кругу лиц». Подобная формулировка вызывает массу споров из-за отсутствия расшифровки определенного и неопределенного круга лиц. Надзорному субъекту приходится определять круг лиц по методу позиционирования товара, его специфике. Примером в данном случае выступает реклама на радио. Так, несмотря на то, что информация распространяется на один субъект РФ, ее будет воспринимать еще неопределенный круг лиц, которые имеют устройства, позволяющие выйти к радиочастотам. Например, отличительные знаки, размещенные на автомобиле, делающие отсылку на его принадлежность к определенной организации, не являются рекламой, т.к. указанные данные не преследуют цели привлечь внимание к объекту продаж и продвижению его покупательной способности, а всего лишь отражают принадлежность транспортного средства к организации, следовательно, привлечение к административной ответственности по данному основанию не происходит.

В список актуальных вопросов сферы рекламных правоотношений входит также проблема незаконного бездействия органов власти, что часто происходит на практике. Например, прокурор Сахалин-

¹ В России выросла смертность от алкоголя. – URL: <http://www.clek.ru/YbSXp> (дата обращения: 03.02.2022). – Текст: электронный.

² О рекламе: федеральный закон Российской Федерации: [от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ] // Российская газета. – 2006. – № 51. – 15 марта.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: [от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ] // Российская газета. – 2001. – № 256. – 31 декабря.

⁴ В России предложили запретить рекламу безалкогольного пива. – URL: <http://www.iz.ru/1066850/2020-09-29/v-rossii-predlozhili-zapretit-reklamu-bezalkogolnogo-piva> (дата обращения: 04.02.2022). – Текст: электронный.

ской области обратился в суд с иском из-за невыполнения своих обязанностей по утверждению схемы размещения рекламных конструкций на территории муниципального образования Администрации города⁵. Представляется, чтобы в дальнейшем устранить подобные казусы, необходимо вовремя устанавливать причины незаконного действия (бездействия) органов власти и требовать их незамедлительного устранения. Основой данной проблемы в большинстве случаев является коррупция проходимых процессов, т.к. установленные без соответствующего разрешения рекламные конструкции приносят владельцам существенный заработок. Решение проблемы видится в программе нетерпимости к коррупции у обучающихся, государственных и муниципальных служащих, которую Президент Российской Федерации поручил разработать Министерству просвещения РФ⁶. Кроме того, нельзя не согласиться с мнениями ученых [3] о необходимости корректировки КоАП РФ в части разработки отдельной главы, посвященной коррупционным правонарушениям, т.к. данные составы преступлений разбросаны по всему кодексу, в связи с чем возникают трудности в их поиске.

В настоящее время все чаще на государственном уровне поднимается вопрос о пересмотре полномочий Федеральной антимонопольной службы России (далее – ФАС РФ) по надзору за соблюдением законодательства России, а также по передаче ряда соответствующих полномочий отраслевым службам и ведомствам. Так, например, рассмотрение вопросов рекламы по сетям электросвязи планируется передать Роскомнадзору, а контроль за рекламой финансовых услуг – Центральному Банку России. Представляется, что такое решение нецелесообразно, т.к. передача контрольных полномочий ФАС РФ в сфере рекламы повлечет «избыточное регулирование», а также создаст риск возникновения конфликтов между регуляторами. Многие ученые поддерживают мнение о возможности наделения органов прокуратуры и Роскомнадзора полномочиями по фиксации правонарушений в сфере рекламной деятельности в сети Интернет, после чего бы происходила передача материалов в ФАС РФ для дальнейшего анализа и принятия обоснованного решения [4]. Это довольно актуально ввиду того, что немалое количество дел в сфере рекламных правоотношений возбуждено по инициативе сотрудников прокуратуры.

В сфере рекламного регулирования существует актуальная проблема «малозначительности» правонарушения. Так, в судебной практике достаточно часто можно встретить заявление о ходатайстве об освобождении от административной ответственности на основании малозначительности совершенного действия. На практике же такие заявления являются единичными случаями прекращения административного делопроизводства, зато часто становятся причиной назначения минимального административного штрафа [5, с. 52].

Российским правоведом П.Д. Житким было проведено исследование административно-правовой практики, на основании которой сделан вывод о том, что лишь 4–5 % правонарушений в сфере рекламы в Российской Федерации признаются малозначительными [6, с. 27]. В законодательстве РФ нет точного определения малозначительности, однако существует официальная позиция ФАС РФ, согласно которой малозначительность – это «оценочное понятие, а его содержание конкретизируется правоприменительными органами с учетом конкретных обстоятельств рассматриваемого дела»⁷. С целью формирования единообразной правоприменительной практики ФАС РФ издано Информационное письмо «О малозначительности в рекламе», которое систематизировало такие деяния⁸. Исходя из документа, к обстоятельствам малозначительности можно отнести:

1) отсутствие претензий от граждан или организаций-конкурентов. Представляется, что данное обстоятельство является ошибочным, поскольку достаточно часто даже при большом желании граждане не обращаются в органы исполнительной власти для возбуждения административного правона-

⁵ Решение Арбитражного суда Сахалинской области по делу № А59-2948/2016: [от 31 августа 2016 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

⁶ Путин поручил сформировать стандарты, формирующие нетерпимость к коррупции у учащихся. – URL: <http://www.clck.ru/bNMww> (дата обращения: 23.11.2021). – Текст: электронный.

⁷ Методические рекомендации по применению антимонопольными органами ст. 2.9 КоАП (в части прекращения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением антимонопольного законодательства, по малозначительности) (утв. Федеральной антимонопольной службой России). – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 12.03.2022). – Текст: электронный.

⁸ О малозначительности в рекламе: письмо Федеральной антимонопольной службы России: [от 30 сентября 2013 г. № АК/38198/13]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2022). – Текст: электронный.

рушения. Это происходит, во-первых, вследствие отсутствия необходимых знаний для составления заявления, соответствующего требованиям, во-вторых, по причине недоверия граждан к органам власти. Соответственно, отсутствие жалоб не должно являться основанием малозначительности правонарушения, хотя может выступать обстоятельством, смягчающим административную ответственность;

2) небольшой масштаб рекламной кампании. С данным признаком также возможно не согласиться. У сотрудников антимонопольного органа нет возможности в полном размере оценить аудиторный охват. Например, реклама банка по радио о низкой процентной ставке по кредиту может охватить неограниченное количество потребителей;

3) факт совершения правонарушения впервые. Перечень действий, которые приводят к отягощению административной ответственности, указан в ст. 4.3 КоАП РФ. Одним из таких действий является рецидив. На основании этого отсутствие факта рецидива указывает не на малозначительность правонарушения, а на то, что нет отягчающих обстоятельств.

В силу массового использования интернет-технологий и цифровизации общества у продавца появилась возможность взаимодействовать с покупателем за счет SMS-сообщения, через социальные сети и электронную почту. Еще одним популярным нарушением в сфере рекламы является отсутствие согласия физических лиц, разрешающих присылать рекламораспространителю рекламу в виде сообщения по телефону или электронной почте. Так, Девятнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении⁹ разъясняет, что распространение рекламы в сети Интернет за счет адресных рассылок в электронном виде пользователям является нарушением ч. 1 ст. 18 Федерального закона РФ от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», т.к. в этой статье идет прямой запрет на такое распространение. Соответственно, суд посчитал, что данное деяние должно регламентироваться ст. 14.3 КоАП РФ. К сожалению, многие граждане не осведомлены о таком запрете и считают, что подобное деяние не является правонарушением. Для защиты прав потребителей возможным видится наложить на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей обязательство по запросу согласия на рассылку рекламы и информированию о возможности отказа от нее.

Кроме того, многие ученые отмечают проблему неточности распределения ответственности между субъектами правоотношений в сфере рекламы [7]. Однако данный вопрос еще не исследован должным образом, поэтому рано делать обоснованные выводы.

Таким образом, права потребителей рекламы действительно слабо защищены. Для улучшения положения этих субъектов правоотношений представляется необходимым:

1) увеличить штраф для блогеров. В санкции ч. 1 ст. 14.3 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушение законодательства о рекламе. Субъектами ответственности являются граждане, должностные и юридические лица. Как следствие, необходимо дополнить предложенную статью отдельной ответственностью для блогеров, а именно словами: «...на граждан с помощью ведения блога в социальных сетях – от 10 до 30 тыс. р.; ...на должностных лиц с помощью ведения блога в социальных сетях – от 30 до 50 тыс. р...»;

2) сократить количество рекламы безалкогольной продукции;

3) ввести обязательное информирование граждан о рассылке с согласия потребителя и возможности отказа от нее;

4) сформировать новые механизмы по ужесточению сферы рекламы в виде запрета на прекращение административного делопроизводства по заявлению о малозначительности.

Кроме того, необходимо уделить внимание противодействию коррупции и внедрить новые механизмы борьбы с такими правонарушениями именно в сфере оборота рекламы.

Необходимость государственного вмешательства в сферу рекламной деятельности обусловлена тем, что реклама, выступая формой реализации конкуренции, порождает на практике частые случаи недобросовестных действий со стороны заинтересованных лиц по продвижению товаров и услуг. Эффективная модернизация и развитие административно-деликтного законодательства являются одними из важных условий обеспечения национального правопорядка [8], поэтому так важно уделять внимание совершенствованию норм в данной сфере.

⁹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа по делу № А64-6021/08-15: [от 20 февраля 2009 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2022). – Текст: электронный.

Список литературы

1. Евсикова Е.В., Пономарев А.В. К вопросу о трактовании понятия и принципах административной ответственности в контексте реформирования административно-деликтного законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 226–236.
2. Кравченко Д.Е., Кравченко М.Е. Блогинг и реклама алкогольной продукции: особенности и ответственность // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 12. – С. 500–505.
3. Ильиных Л.В. Административная ответственность за коррупционные правонарушения в Российской Федерации // Скиф. – 2021. – № 5.
4. Логинов А.Н. Некоторые особенности административной ответственности за нарушение законодательства о рекламе в сети Интернет // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 3. – С. 94–100.
5. Пальцева Е.С. Малозначительность при рассмотрении административных дел в сфере рекламного законодательства // Административное право и процесс. – 2016. – № 12. – С. 50–53.
6. Житкий П.Д. Некоторые аспекты применения антимонопольными органами малозначительности по делам о нарушении рекламного законодательства // Конкурентное право. – 2017. – № 1. – С. 25–27.
7. Кулешова И.Ю. Проблемы эффективности применения административной ответственности за нарушение законодательства о рекламе // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 3. – С. 41–49.
8. Евсикова Е.В. Некоторые особенности реформирования административно-деликтного законодательства Российской Федерации – третья волна кодификации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 350–367.

References

1. Evsikova E.V., Ponomarev A.V. K voprosu o traktovanii ponyatiya i principah administrativnoj otvetstvennosti v kontekste reformirovaniya administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2021. – T. 7, № 2. – S. 226–236.
2. Kravchenko D.E., Kravchenko M.E. Bloging i reklama alkogol'noj produkcii: osobennosti i otvetstvennost' // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2021. – № 12. – S. 500–505.
3. Il'inyh L.V. Administrativnaya otvetstvennost' za korrupcionnye pravonarusheniya v Rossijskoj Federacii // Skif. – 2021. – № 5.
4. Loginov A.N. Nekotorye osobennosti administrativnoj otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva o reklame v seti Internet // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2019. – № 3. – S. 94–100.
5. Pal'tseva E.S. Maloznachitel'nost' pri rassmotrenii administrativnyh del v sfere reklamnogo zakonodatel'stva // Administrativnoe pravo i process. – 2016. – № 12. – S. 50–53.
6. Zhitkij P.D. Nekotorye aspekty primeneniya antimonopol'nymi organami maloznachitel'nosti po delam o narushenii reklamnogo zakonodatel'stva // Konkurentnoe pravo. – 2017. – № 1. – S. 25–27.
7. Kuleshova I.Yu. Problemy effektivnosti primeneniya administrativnoj otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva o reklame // Administrativnoe i municipal'noe pravo. – 2017. – № 3. – S. 41–49.
8. Evsikova E.V. Nekotorye osobennosti reformirovaniya administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – tret'ya volna kodifikacii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2020. – T. 6, № 2. – S. 350–367.

УДК 342.9

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Донгак Буян Константинович¹,
e-mail: dongak2809191@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Рассматриваются вопросы борьбы с коррупцией в системе государственной службы Российской Федерации. Цели работы – проанализировать проблемы борьбы с коррупцией в системе государственной службы РФ и предложить пути их решения. Методы исследования включают анализ, синтез, формально-юридический метод. Автором сформулированы нравственные принципы, которыми служащие должны руководствоваться в своей деятельности в целях недопущения коррупции, а также предложены направления совершенствования действующего законодательства. Областью применения результатов являются правоотношения в сфере борьбы с коррупцией в системе государственной службы Российской Федерации. Подчеркивается, что, несмотря на достаточно обширный спектр нормативно-правовых актов в системе государственной гражданской службы, в них содержится ряд пробелов и противоречий, которые требуют проработки. Для решения проблемы коррупции эффективным представляется использование механизмов профилактики коррупционных проявлений. Кроме того, требуется корректировка законодательных положений. Резюмируется, что в административном и уголовном законодательстве должны быть определены составы коррупционных административных правонарушений и преступлений, причем уголовная ответственность должна быть связана с повторным совершением аналогичного правонарушения.

Ключевые слова: коррупция, конфликт интересов, гражданский служащий, государственная служба, профилактика, принципы, уголовная ответственность

FIGHT AGAINST CORRUPTION IN THE PUBLIC SERVICE SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dongak B.K.¹,
e-mail: dongak2809191@mail.ru,
¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article is devoted to the fight against corruption in the public service system of the Russian Federation. The purpose of the work is to analyze the problems of combating corruption in the public service system of the Russian Federation and propose ways to solve them. Research methods include analysis, synthesis, formal and legal methods. The results of the work consist in the fact that the author formulated the moral principles that employees should be guided by in their activities in order to prevent corruption, and also suggested ways to improve the current legislation. The scope of the results application is legal relations in the field of combating corruption in the public service system of the Russian Federation. Despite a fairly extensive range of regulatory legal acts in the public civil service system, they contain a number of gaps and contradictions that need to be worked out. In order to solve the problem of corruption, the use of mechanisms for the prevention of corruption manifestations is effective. In addition, the adjustment of legislative provisions is required. The administrative and criminal legislation should define the composition of corruption administrative offenses and crimes, and criminal liability should be associated with the repeated commission of a similar offense.

Keywords: corruption, conflict of interest, civil servant, public service, prevention, principles, criminal liability

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-34-38

Актуальность выбранной темы обусловливается необходимостью преодоления такого негативного явления в органах государственной власти, как коррупция.

Коррупция представляет собой использование государственными служащими занимаемого ими положения, своих властных полномочий и служебных прав для незаконного обогащения, использования и получения материальных преимуществ и прочих благ в личных и корыстных целях [1]. Для решения проблемы коррупции эффективным является использование механизмов профилактики коррупционных проявлений.

В настоящее время противодействие коррупции представляет собой не только деятельность уполномоченных лиц по ее профилактике, борьбе с нею и по минимизации и/или ликвидации последствий коррупционных правонарушений, но и непрерывный процесс взаимообусловленного взаимодействия субъектов антикоррупционной деятельности, требующий постоянного учета происходящих трансформаций, тенденций развития коррупционных проявлений, своевременного и всестороннего реагирования на них в виде соответствующих изменений законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики. Именно изменение правового регулирования противодействия коррупции должно являться ответной незамедлительной реакцией на выявленные пробелы в регламентации антикоррупционной деятельности, неэффективность применяемых антикоррупционных мер, их несоответствие (устаревание) реалиям современной действительности [2].

В качестве одного из направлений профилактического противодействия коррупции выступает принятие законов, не дающих возможности должностным лицам совершать коррупционные сделки. С позиции уголовного наказания, преступления коррупционной направленности причисляются к плохо раскрываемым и сложно доказуемым. В этом состоит причина сверхзначимости профилактических мероприятий по противодействию им [3].

Мы говорим не столько о нормах законодательства, закрепляющих запрещение чиновникам вести бизнес или рассчитывать за сделанные ими шаги на материальное поощрение, сколько о таком определении их правомочий, которое не позволит им действовать невозбранно и продвигать чьи-либо интересы. Требуется установить адекватную меру пользования административным аппаратом усмотрения, поскольку полный отказ от него чреват несостоятельностью государственного управления. Параллельно с этим надлежит сделать так, чтобы в законодательстве не смогли появляться нормы, затрудняющие (непосредственно или опосредованно) процесс управления и способствующие посредством этой благодатной почвы выстраиванию административных барьеров, рвачеству, мздоимству, а также прочим коррупционным проявлениям [4].

В настоящее время представляется возможным выделить несколько блоков источников, регламентирующих правила противодействия коррупции.

1. Международные нормативно-правовые акты. Международное право в области противодействия коррупции в настоящее время включает значительное количество источников, принимаемых со второй половины XX в. Их анализ позволяет классифицировать все нормативные акты международного антикоррупционного законодательства на общие, региональные, локальные (двусторонние) [5].

Безусловно, наибольшее правовое значение, в том числе в области международно-правовой регламентации противодействия коррупции, имеют источники первой группы, которая включает акты международного права, принятые в результате деятельности Организации Объединенных Наций (далее – ООН) – международной организации, в состав которой входит наибольшее количество государств-субъектов международных отношений. Международные нормативные акты, принимаемые Генеральной Ассамблеей ООН, носят общий характер также в связи с глобальностью целей, ради достижения которых создана и функционирует эта организация: поддержание международного мира и обеспечение безопасности; развитие дружеских отношений между нациями; осуществление всеобщего международного сотрудничества и т.д.¹

В части обеспечения безопасности и развития международного сотрудничества Генеральной Ассамблеей ООН приняты два специальных нормативных акта о противодействии коррупции. Первым из

¹ Устав Организации Объединенных Наций: [принят в Сан-Франциско 26 июня 1945 г.]. – URL: <http://www.un.org/ru/charter—united—nations/index.html> (дата обращения: 20.06.2022). – Текст: электронный.

них является Декларация от 16 декабря 1996 г. о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях. Несмотря на всеобщий характер положений данного акта, для каждого государства, принявшего на себя обязательство по соблюдению его положений, а также для всех государств, которые являются участниками иных международных и региональных объединений, все же он носит узкопрофильный характер, поскольку распространяет свое действие лишь на субъектов международной коммерческой деятельности².

Применительно к раскрытию содержания коррупции приведенная декларация не может признаваться источником, характеризующимся высоким техническим качеством нормативных предписаний. Толкование ее норм позволяет сделать вывод о разнородности понятий «коррупция» и «взяточничество», хотя в действительности последнее является составной частью коррупции [6]. В целом, данный нормативный акт содержит описание общих направлений деятельности государств по предупреждению и профилактике «всех форм коррупции, взяточничества и связанных с ними противоправных действий в международных коммерческих организациях». Разработчики рассматриваемой декларации оставили разрешение вопросов о содержании коррупции, преступлений и иных правонарушений, имеющих коррупционный характер, представителям законодательных органов власти государств-участников ООН.

Универсальным нормативным актом, определяющим основные начала противодействия коррупции во всем мировом сообществе, является заключенная в г. Нью-Йорке Конвенция ООН от 31 октября 2003 г. против коррупции³ (далее – Конвенция). В ст. 2 Конвенции содержатся имеющие юридическое значение термины, которые используются в тексте иных норм и, очевидно, должны быть имплементированы в законодательство тех государств, которые признали для себя обязательность положений этого международного акта. Судя по названию, коррупция является тем социально опасным явлением, для обеспечения регламентации противодействия которому и была разработана Конвенция 2003 г. Однако определения «коррупция» или «коррупционное преступление» Конвенция не содержит, что не позволяет однозначно решить вопрос о содержании указанных правовых категорий.

2. Конституция РФ⁴. Основным регулятором противодействия коррупции в России является Конституция РФ. Данные принципы заложены в гл. 1 и 2 («Основы конституционного строя», «Права и свободы человека»).

3. Федеральные законы. Принципиальным законодательным толчком дальнейшего совершенствования борьбы с коррупционными правонарушениями в современной России стало принятие Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁵. Указанный правовой акт впервые ввел понятие «противодействие коррупции», сформулировал конкретные меры ее предупреждения, организационные и правовые механизмы противодействия этому негативному социальному явлению.

В Федеральном законе РФ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁶ раскрывается понятие «противодействие коррупции» как деятельность государственных органов и органов субъектов РФ, местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц по пресечению данного правонарушения.

Уголовный кодекс Российской Федерации⁷ (далее – УК РФ) раскрывает правонарушения, которые относятся к коррупционным: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), превышение

² Декларация Организации Объединенных Наций о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях: [принята Резолюцией № 51/191 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1996 г.]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bribery.shtml (дата обращения: 05.05.2022). – Текст: электронный.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: [принята Резолюцией № 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 20.06.2022). – Текст: электронный.

⁴ Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голос. 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 1 июля 2020 г.]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2022). – Текст: электронный.

⁵ О противодействии коррупции: федеральный закон Российской Федерации: [от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 1 апреля 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

⁶ О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации: [от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 2 июля 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации: [от 13 июля 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 июня 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

должностных полномочий (ст. 286), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289), а также коммерческий подкуп (ст. 204), получение взятки (ст. 290), дача взятки (ст. 291). Следовательно, публичные общественные отношения, защищаемые государственными органами, становятся предметом преступной деятельности коррупционеров.

Обязанности по осуществлению надзора за противодействием коррупции непосредственно возложены на органы прокуратуры. В ст. 3 Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определены основные принципы борьбы с коррупцией, а именно разработаны мероприятия по ее предупреждению. Предупреждение коррупции заключается в разработке таких мероприятий, с помощью которых возможно нейтрализовать риск возникновения коррупционных действий еще до их появления.

4. Подзаконные нормативно-правовые акты Президента РФ и Правительства РФ, а также федеральных органов государственной и исполнительной власти. Во исполнение и дополнение названного законодательного акта указами Президента РФ принимаются Национальные планы противодействия коррупции сроком на три года⁸, в которых главой государства формулируются приоритетные направления противодействия коррупции. В федеральных органах государственной и исполнительной власти, министерствах и ведомствах, территориальных органах и муниципальных образованиях составляются планы противодействия коррупции во исполнение поручений главы государства.

Несмотря на достаточно обширный спектр нормативно-правовых актов в системе государственной гражданской службы, в них содержится ряд пробелов и противоречий, которые требуют проработки.

Неточность нормативных положений и наличие пробелов в законодательстве, раскрывающем вопросы урегулирования конфликта интересов, могут повлечь нарушение как прав государственного служащего на объективное рассмотрение случаев конфликта, так и государственных, а также общественных интересов.

Необходимо отметить, что круг используемых способов урегулирования конфликта интересов является достаточно узким, в связи с чем он малоэффективен. При этом закрепленные способы практически не имеют законодательной регламентации по их реализации, соответственно, необходимо расширять перечень способов по урегулированию конфликта интересов [7].

На основе законодательного контроля, опираясь на документы, регулирующие поведение государственных служащих, можно сформулировать следующие нравственные принципы, которыми служащие должны руководствоваться в своей деятельности:

- 1) принцип служения государству и обществу. Он основан на безупречной работе во благо общественных интересов;
- 2) принцип законности. Основан на безукоснительном соблюдении буквы закона. К сожалению, у нас процветает низкий уровень правовой культуры, что приводит к противоречивым действиям работников и отрицательно сказывается на эффективности их деятельности;
- 3) принцип гуманизма. Основан на служении людям, заботе о них, уважении, внимании, доброжелательности, проявлении чуткости и понимания к проблемам других людей;
- 4) принцип ответственности. Подразумевает, что государственный служащий должен нести не только юридическую, но и нравственную ответственность;
- 5) принцип справедливости. Соблюдение этого принципа способствует созданию доверия и уважения к представителям государственной власти. Означает законное и рациональное использование властных полномочий, отстаивание интересов граждан, проявление принципа объективизма;
- 6) принцип лояльности. Основан на верности государственной службе. Государственный служащий должен способствовать укреплению авторитета государства, быть лояльным к государственному строю;
- 7) принцип политической нейтральности. Государственный служащий не должен проявлять политико-идеологических пристрастий. Государственно-служебные отношения не должны носить политический характер;

⁸ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 гг.: указ Президента Российской Федерации: [от 16 августа 2021 г. № 478] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 34. – Ст. 6170.

8) принцип честности и неподкупности. Проявляется в неприятии государственными служащими таких явлений, как коррупция и бюрократизм, которые подрывают авторитет власти.

Кроме того, не редки случаи, когда государственные служащие считают положения законодательства не «требованиями», а «пожеланиями» [8]. В этой связи представляется актуальным дополнить ст. 6 Федерального закона РФ «О противодействии коррупции» следующей формулировкой: «...лицо, замещающее должность государственной или муниципальной службы, может быть привлечено к административной или уголовной ответственности в случае непредставления представителю нанимателя (работодателю) сведений о своих доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также представления заведомо ложных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей». Соответственно, в административном законодательстве и УК РФ должны быть определены составы коррупционных административных правонарушений и преступлений, причем уголовная ответственность должна быть связана с повторным совершением аналогичного правонарушения.

Список литературы

1. Адыгезалова Г.Э., Пономаренко Е.Д. Система методов борьбы с коррупцией: теоретико-правовой анализ // Всероссийский сборник научных трудов «Социально-гуманитарный вестник». – Барнаул, 2022. – С. 77–80.
2. Корякин В.М. Министерство обороны Российской Федерации совершенствует ведомственную нормативную правовую базу противодействия коррупции // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. – 2018. – № 4. – С. 2–9.
3. Нинциева Т.М. Противодействие коррупции и антикоррупционная политика государства // Вестник Чеченского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 108–110.
4. Иванец Г.И. Правовой аспект коррупции // Наука и образование сегодня. – 2020. – № 5. – С. 63–66.
5. Ашин А.А. Проблемы противодействия коррупции в России в современных условиях // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 2. – С. 46–52.
6. Фатхуллина Р.А. Противодействие коррупции // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – № 5-4. – С. 164–167.
7. Федоренко С.П. Правовое воспитание как способ борьбы с коррупцией // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 2. – С. 135–140.
8. Вахидов И.Х.О., Захаров С.В. Борьба с коррупцией в России на современном этапе // Реализация в Южном федеральном округе государственной политики в сфере противодействия коррупции: сборник научных трудов II Научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2022. – С. 134–139.

References

1. Adygezalova G.E., Ponomarenko E.D. Sistema metodov bor'by s korrupciej: teoretiko-pravovoj analiz // Vserossijskij sbornik nauchnyh trudov "Social'no-gumanitarnyj vestnik". – Barnaul, 2022. – S. 77–80.
2. Koryakin V.M. Ministerstvo oborony Rossijskoj Federacii sovershenstvuet vedomstvennuyu normativnuyu pravovuyu bazu protivodejstviya korrupcii // Pravo v Vooruzhennyh Silah – voenno-pravovoe obozrenie. – 2018. – № 4. – S. 2–9.
3. Nincieva T.M. Protivodejstvie korrupcii i antikorrupcionnaya politika gosudarstva // Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – № 2. – S. 108–110.
4. Ivanec G.I. Pravovoj aspekt korrupcii // Nauka i obrazovanie segodnya. – 2020. – № 5. – S. 63–66.
5. Ashin A.A. Problemy protivodejstviya korrupcii v Rossii v sovremennyh usloviyah // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2019. – № 2. – S. 46–52.
6. Fathullina R.A. Protivodejstvie korrupcii // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – № 5-4. – S. 164–167.
7. Fedorenko S.P. Pravovoe vospitanie kak sposob bor'by s korrupciej // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. – 2022. – № 2. – S. 135–140.
8. Vahidov I.H.O., Zaharov S.V. Bor'ba s korrupciej v Rossii na sovremennom etape // Realizaciya v Yuzhnom federal'nom okruge gosudarstvennoj politiki v sfere protivodejstviya korrupcii: sbornik nauchnyh trudov II Nauchno-prakticheskoy konferencii. – Rostov-na-Donu, 2022. – S. 134–139.

УДК 34.096

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Иткина Яна Яковлевна¹,

e-mail: itkinayana8@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Рассматриваются особенности искусственного интеллекта, его место в современном научном пространстве, разрешаются споры о перспективах и рисках его более широкого применения. Стремительное развитие искусственного интеллекта обусловило острую необходимость расширения границ правового регулирования и определения путей разрешения проблем авторских прав на произведения, созданные при помощи него. В этой связи актуальным представляется изучение понятия искусственного интеллекта, а также правовых рисков его использования и путей их преодоления. Россия сегодня имеет заметные конкурентные преимущества в сфере цифровых технологий и легального распространения искусственного интеллекта, в том числе благодаря сильной естественнонаучной школе страны, наличию базового физико-математического образования и компетенциям в сфере программирования. Перед отечественной юриспруденцией стоит задача способствовать своевременному нормативному обеспечению, надлежащему и легальному оформлению AI-технологий. Практическая значимость исследования заключается в поиске оптимального правового регулирования искусственного интеллекта, что будет способствовать беспрепятственному внедрению новейших технологий, способных совершать независимые от человека юридически значимые действия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусственная когнитивная система, юнит, искусственный разум, правосубъектность, правовое регулирование искусственного интеллекта

LEGAL ASPECTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Itkina Ya.Ya.¹,

e-mail: itkinayana8@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article is devoted to consideration features of artificial intelligence, its place in modern scientific sphere, resolution of disputes about the prospects and risks of its wider application. The rapid development of artificial intelligence has led to the urgent need to expand the boundaries of legal regulation and identify ways to resolve copyright issues for works created by artificial intelligence. In this regard, it is relevant to explore the definition of artificial intelligence, as well as the legal risks of its use and ways to overcome them. Today Russia has significant competitive advantages in the field of digital technologies and the legal dissemination of artificial intelligence, including due to the strong natural science school of the country, the availability of basic physical and mathematical education and competencies in the field of programming. The task of the domestic jurisprudence is to promote timely regulatory support, proper and legal registration of AI-technologies. The practical significance of the research lies in the search for optimal legal regulation of artificial intelligence, which will facilitate the unhindered introduction of the latest technologies capable of performing legally significant actions independent of a human.

Keywords: artificial intelligence, artificial cognitive system, unit, artificial mind, legal personality, legal regulation of artificial intelligence

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-39-43

Понятие «искусственный интеллект» прочно вошло в нашу повседневную жизнь. Если в прошлом веке об этом явлении можно было прочитать только на страницах научно-фантастических книг, то сегодня в мире происходит ускоренное внедрение технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта, в различные отрасли экономики и сферы общественных отношений. Согласно оценкам экспертов, ожидается, что благодаря внедрению таких решений рост мировой экономики в 2024 г. составит не менее 1 трлн долл. США¹.

Плоды искусственного интеллекта общество уже использует в значительной мере, а его потенциал и возможности дальнейшего развития в человеческой среде вызывают среди ученых неоднозначные оценки. Способность комплексов искусственного интеллекта развиваться эволюционным путем, самосовершенствоваться вплоть до автономности, принимая решения без вмешательства и контроля со стороны человека – ученого-создателя или IT-специалиста, может иметь далеко идущие последствия, причем как в областях человеческой деятельности (замена людей роботами, доминирование искусственных систем на рынке труда), так и в юридической сфере (несанкционированный доступ к личным данным, нелегальное использование криптовалюты и подобных ей финансовых систем, повышение опасности и усложнение структуры киберпреступности).

В целях оптимального правового регулирования использования искусственного интеллекта работниками, исследователями и лицами, финансирующими исследования в сфере искусственного интеллекта, а также в смежных областях, должны исходить из презумпции опасности искусственного интеллекта, подразумевая, что созданная или создаваемая технология искусственного интеллекта является опасной для человека до тех пор, пока не доказано иное [1].

Человечество уже создало достаточно средств для своего уничтожения (биологическое оружие, атомная и водородная бомбы). Бесконтрольное развитие искусственного интеллекта не должно быть допущено совместными действиями юристов и ученых. Исходя из этого, данная проблема должна регулироваться правом.

Одним из основоположников искусственного интеллекта является Джон Маккарти (1927–2011) – американский ученый-компьютерщик и когнитивист, соавтор документа, который ввел термин «искусственный интеллект» в предложения для знаменитой Дартмутской конференции, состоявшейся летом 1956 г. Эта конференция положила начало искусственному интеллекту как направлению в области информационных технологий².

Термин «искусственный интеллект» рассматривался и изучался и в отечественной юридической науке, где корифеем в этой области является П.М. Морхат. Дефиниция понятия «искусственный интеллект» в его авторской концепции – это полностью или частично автономная самоорганизующаяся (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (*virtual*) или киберфизическая (*cyber-physical*), в том числе биок cyberнетическая (*bio-cybernetic*), система (юнит), наделенная/обладающая определенными способностями и возможностями [2].

Правовое совершенствование не успевает за экспоненциальным ростом информационных технологий, что является одной из основных причин недостаточного правового регулирования данной области.

В российском праве определение искусственного интеллекта содержится в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»³. В настоящее время в науке широко применяется его синоним – искусственная когнитивная система [3].

В дальнейшем искусственная когнитивная система обретет способность к самосознанию, у нее появятся качества, подобные человеческим личности и воле. Такой искусственный интеллект будет стремиться к независимости от кого бы то ни было, автономности в принятии решений и совершении действий. При этом он сохранит доступ к бесконечному массиву информации и будет иметь в своем

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации: [утв. 10 октября 2019 г. № 490]. – Ст. 11, разд. 2. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2022). – Текст: электронный.

² Джон Маккарти (ученый-компьютерщик). – URL: [http://www.ru.abcdef.wiki/wiki/John_McCarthy_\(computer_scientist\)](http://www.ru.abcdef.wiki/wiki/John_McCarthy_(computer_scientist)) (дата обращения: 12.08.2022). – Текст: электронный.

³ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации: [от 10 октября 2019 г. № 490]. – П. а, ст. 5, разд. 1.

распоряжении несопоставимые с сегодняшним днем вычислительные мощности. Возникнет необходимость рассмотреть проблему правосубъектности такой системы.

Под правосубъектностью общепринято понимать предусмотренное нормами права свойство быть участником правоотношений⁴. Данное понятие включает два момента: интеллектуальный, когда субъект правоотношения понимает свои действия и их последствия, и волевой, т.е. он способен осознавать свои действия и руководить ими. Впоследствии, когда оба эти моменты будут ему присущи, возникнет вопрос о правовом регулировании искусственного интеллекта.

Заслуживает внимания положение об «электронном лице», под которым понимается «техно-юридический образ (обладающий некоторыми признаками юридической фикции по аналогии с юридическим лицом), отражающий и воплощающий конвенционально (условно) специфическую правосубъектность юнита искусственного интеллекта, гетерогенную в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита и в силу этого аппроксимированную к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита» [4, с. 282].

Функционирование искусственного интеллекта как самостоятельного агента социально-экономической системы потребует признания на уровне гражданского законодательства факта появления нового субъекта правоотношений – «электронного лица» – с наделением его правами и обязанностями. При этом в отличие от действий юридического лица, за интересами которого стоят конкретные индивиды, в данном случае ответственность предлагается возложить только на компанию-разработчика.

Понятие «электронное лицо», рекомендуемое для определения полномочий искусственного интеллекта как субъекта, является качественно новым и в настоящее время не урегулировано правом. Джоанна Брайсон, Михалис Диамантис и Томас Грант полагают, что введение термина «электронное лицо» указывает на ясное намерение придать некоторым человекоподобным артефактам (в том числе и юниту искусственного интеллекта) статус личности, соответственно, наделить соответствующей правосубъектностью. Предоставление статуса юридического лица чисто синтетическим образованиям – вполне реальная юридическая возможность, которая в настоящее время рассматривается Европейским союзом. Авторы пришли к выводу, что трудности с привлечением к ответственности «электронных лиц», когда они нарушают права других, перевешивают весьма ненадежные моральные интересы, которые может защищать юридическое лицо искусственного интеллекта [5].

В своей «жизнедеятельности» с учетом развития технологий носитель искусственного интеллекта может и не контролироваться человеком, иметь возможность умело копировать и воспроизводить отдельные аналогичные человеку процессы. Однако юнит не проходит социализацию, у него отсутствуют нравственность, интуиция, характер и прочие составляющие физического лица, которые связаны с его осознанием себя, влияют на морально-нравственный багаж и лежат в основе его деятельности и принятия решений. Этот аспект является крайне важным при установлении прав, обязанностей и пределов ответственности, которые объективно должны соответствовать возможностям и способностям искусственного интеллекта [6].

Статус электронного лица будет предметом дальнейших исследований. Вместе с тем следует отметить, что такой статус не ограничивает дальнейшее развитие искусственного интеллекта по мере решения связанных с ним правовых проблем [7].

Как пишет «Коммерсант», для закрепления новых норм в Государственной Думе Совета Федерации РФ предложили внести в Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) соответствующие поправки. Документ подготовил депутат политической партии «Единая Россия» Алексей Кобилов, и он был направлен на согласование в Министерство экономики России еще 21 октября 2020 г. Подготовленный депутатом проект поправок включает перечень видов интеллектуальной собственности, которой искусственный интеллект не сможет владеть в случае их принятия. Это аудио- и видеоконтент, изображения, текст и различная аналитика. Право на результат интеллектуальной деятельности, созданный искусственным интеллектом, предлагается закрепить за правообладателем программы, с помощью которой этот результат сформирован, как следует из проекта поправок к ч. 4 ГК РФ⁵.

⁴ *Перевалов В.Д.* Теория государства и права: учебник и практикум. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2020. – 341 с.

⁵ *Власти России хотят отобрать у искусственного интеллекта авторские права.* – URL: http://www.cnews.ru/news/top/2020-11-11_vlasti_zadumali_otobrat (дата обращения: 23.08.2022). – Текст: электронный.

Принадлежность авторских прав на квази-произведения, созданные искусственным интеллектом в будущем, обязательно придется устанавливать. Предлагается два варианта разрешения проблемы.

1. Закрепление исключительных прав на такие произведения за создателем или правообладателем искусственного интеллекта. Физическое лицо или лица являются правообладателями искусственной когнитивной системы, а результаты их деятельности принадлежат им. Целесообразно в данном случае предусмотреть регистрацию авторских прав, чтобы избежать сложностей, когда произведения одного искусственного интеллекта будут принадлежать разным правообладателям при переходе права на нейросеть.

2. Наделение искусственного интеллекта правосубъектностью, с передачей ему исключительных прав на созданные квази-произведения, не совмещая с самими исключительными правами владельцев искусственного интеллекта. Это аналогично институту юридических лиц. После регистрации юридического лица в Едином государственном реестре юридических лиц оно обладает правосубъектностью, в том числе может владеть исключительными правами на произведения науки, искусства и литературы. Так, исключительные права на процессоры Intel принадлежат одноименной компании Integrated Electronics, а не Роберту Нойсу и еще 7 учредителям.

Такое признание будет способствовать дальнейшему развитию искусственного интеллекта, позволяя создавать артистичные, доведенные до совершенства произведения культуры, т.к. они будут охраняться авторским правом. Регулирование этой отрасли назрело, но на практике авторство будет сложно разделить между человеком и машиной.

В последние годы происходит неуклонное внедрение технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта, в различные сферы экономики и общественных отношений.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 ускорила приведенные процессы, что требует активизации внедрения технологии искусственного интеллекта, поскольку наблюдается увеличение запросов по разработке механизмов регулирования складывающихся отношений. Сфера государственного управления все больше нуждается не в простом внедрении технологий искусственного интеллекта, а в обоснованном, с учетом повышенных рисков для различных видов безопасности, в первую очередь информационной.

Пандемия увеличивает значение искусственного интеллекта, поскольку его технологии используются в противодействии ее распространению и прогнозируют иные возможные способы борьбы с ее последствиями [8].

Эволюция искусственного интеллекта продолжается. В этом направлении работают как ученые, так и созданный ими искусственный интеллект, в который заложена способность к саморазвитию. Остановка данной тенденции невозможна, поскольку современная цивилизация уже определила искусственный интеллект в качестве своей неотъемлемой части. Так, люди не откажутся от смартфонов и приложений-помощников. Созданные технологические продукты уже не просто помогают человеку, а действуют самостоятельно, полностью заменяя его, например беспилотные автомобили, которые из закрытых территорий перемещаются на дороги общего пользования. Это позволяет допустить, что обсуждение вопроса о правосубъектности в дальнейшем может переместиться к признанию за искусственным интеллектом статуса субъекта права⁶.

Таким образом, нами рассмотрены отдельные проблемы использования искусственного интеллекта, оказывающие влияние на правовые институты.

Было обозначено место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения. Проанализированы возможности надения искусственного интеллекта признаками субъекта права. Обоснованы пути правового регулирования искусственного интеллекта, как объекта права, которое должно быть сосредоточено на нормах вещного и авторского права.

Исследование правового регулирования искусственного интеллекта проведено с учетом перспективы дальнейшего развития научных достижений.

Учитывая слабую разработанность перспективных границ и путей эволюции искусственного интеллекта, представляется невозможным полное исключение человеческого участия в сферах его применения. К таковой следует отнести и юридическую деятельность.

⁶ Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учеб. пособие. – Нижний Новгород: Типография Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 66.

Повсеместное распространение технологий будущего стирает границы между результатами интеллектуальных достижений человека и искусственных когнитивных систем, а также между физическим миром и виртуальной реальностью.

Соответственно, неординарность самого искусственного интеллекта обуславливает задачи в определении его правового статуса. В дальнейшем предполагаются лавинообразное развитие технологии искусственного интеллекта, расширение областей применения, следовательно, и интенсификация внятного определения его правового статуса, регламентирование его взаимодействия с человеком. Наиболее вероятной представляется трансформация искусственного интеллекта в специфичного участника правоотношений, так называемое «электронное лицо», которое будет включать оптимальный набор прав и обязанностей, а также возможностей несения юридической ответственности в зависимости от уровня развития и автономности искусственных когнитивных систем.

Список литературы

1. Васильев А., Печатнова Ю. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – № 2. – С. 14–18.
2. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: монография. – Москва: Буки Веди, 2017. – 258 с.
3. Писаренко М.С. К вопросу об искусственном интеллекте и его сущности // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 10. – С. 44–54.
4. Морхат П.М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24, № 3. – С. 280–283.
5. Bryson J.J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, for and by the people: the legal lacuna of synthetic persons // Law Research Paper. – 2018. – No. 5.
6. Лантев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79–102.
7. Тютчева Е.С. Правосубъектность «электронного лица»: теоретический анализ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – № 2. – С. 50–58.
8. Егорова М.А., Минбалева А.В., Кожеева О.В., Дюффо А. Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, № 2. – С. 250–262.

References

1. Vasil'ev A., Pechatnova Yu. Iskustvennyj intellekt i pravo: problemy, perspektivy // Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal. – 2020. – № 2. – S. 14–18.
2. Morhat P.M. Iskustvennyj intellekt: pravovoj vzglyad: monografiya. – Moskva: Buki Vedi, 2017. – 258 s.
3. Pisarenko M.S. K voprosu ob iskustvennom intellekte i ego sushchnosti // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2020. – № 10. – S. 44–54.
4. Morhat P.M. Pravosub'ektnost' yunita iskustvennogo intellekta // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – T. 24, № 3. – S. 280–283.
5. Bryson J.J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, for and by the people: the legal lacuna of synthetic persons // Law Research Paper. – 2018. – No. 5.
6. Laptev V.A. Ponyatie iskustvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2019. – № 2. – S. 79–102.
7. Tyutcheva E.S. Pravosub'ektnost' "elektronno go lica": teoreticheskij analiz // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya. – 2022. – № 2. – S. 50–58.
8. Egorova M.A., Minbaleev A.V., Kozhevina O.V., Dyufflo A. Osnovnye napravleniya pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya iskustvennogo intellekta v usloviyah pandemii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2021. – T. 12, № 2. – S. 250–262.

УДК 347

НАБЛЮДЕНИЕ КАК НЕОБХОДИМАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА И НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ ПРОЦЕДУРЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Кянганен Вячеслав Аулисович¹,

e-mail: vakyanganen@upr-fin.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Опыт России показывает, что те предприятия, которые вошли в процедуру банкротства, обычно прекращают свою деятельность. При этом следует отметить, что за рубежом существуют и более активно применяются различные методики, препятствующие доведению компании до банкротства. К примеру, в Западной Европе около 75 % «проблемных» предприятий восстанавливают свою платежеспособность до начала процесса судебного разбирательства. Если же банкротство неизбежно, данная процедура рассматривается как судебный способ реструктуризации бизнеса организаций-должников. Показывается, что выбор системы входа в процедуру банкротства, отличный от применяемых страновых моделей, через процедуру наблюдения является обоснованным и имеет в качестве основания не только формально-юридический аспект, на который указал в своем постановлении Конституционный Суд Российской Федерации, но и глубокий экономический смысл, базирующийся на политической экономии К. Маркса, принципах формирования капитала и его оборота. Методологическую основу исследования составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Предлагается один из возможных способов восстановления деятельности ограниченной категории предприятий, относящихся к субъектам малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), должник, наблюдение, процедура банкротства, реструктуризация

MONITORING AS A NECESSARY PART OF THE BANKRUPTCY PROCEDURE AND THE INCOMPLETENESS OF THE RESTRUCTURING PROCEDURE OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Kyanganen V.A.¹,

e-mail: vakyanganen@upr-fin.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The experience of Russia shows that those enterprises that have entered the bankruptcy procedure, as a rule, cease their activities. At the same time, it should be noted that various methods exist abroad and are more actively used to prevent a company from being brought to bankruptcy. For example, in Western Europe, about 75 % of “problem” enterprises restore their solvency before the start of the litigation process. In the event that bankruptcy is inevitable, this procedure is considered as a judicial way of restructuring the business of debtor organizations. The article shows that the choice of a system of entry into the bankruptcy procedure, different from the national models used, through the monitoring procedure is justified and has as a basis not only a formal legal aspect, which the Constitutional Court of the Russian Federation pointed out in its ruling, but also a deep economic sense based on the political economy of K. Marx, on principles of capital forming and its turnover. The methodological basis was formed by formal-legal, comparative-legal methods. The article proposes one of the possible ways to restore the activities of a limited category of enterprises belonging to small and medium-sized businesses.

Keywords: insolvency (bankruptcy), debtor, monitoring, bankruptcy procedure, restructuring

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-44-50

Несостоятельность (банкротство) как один из факторов хозяйственной деятельности в рыночной экономике является объективным процессом. Недостатки правового регулирования несостоятельности (банкротства) влекут нестабильность экономических отношений, нездоровую ситуацию в сфере предпринимательства и, как следствие, незащищенность субъектов экономической деятельности. В связи с этим сам правовой институт несостоятельности (банкротства) нуждается в реформировании. При этом данный процесс должен основываться не только на практике его реализации, но и на теоретических исследованиях несостоятельности (банкротства).

Рассмотрим следующие проблемы теоретических основ законодательства о банкротстве (несостоятельности):

1) вход в процедуру банкротства;

2) незавершенность разработки процедуры внешнего управления в части ограничения замещения активов должника только путем создания на базе имущества должника открытых акционерных обществ.

В настоящее время выделяют три системы, которые разрешают проблему входа в процедуру банкротства [1].

Первая система входа в процедуру банкротства осуществляется конкурсным производством. При этом реабилитационные процедуры в дальнейшем также предусмотрены законодательством.

Вторая система характеризуется наличием возможности выбора – сразу же после возбуждения производства по ходатайству должника или кредитора вводится реабилитационная процедура. Однако в дальнейшем возможен переход в стадию ликвидации. Еще одна особенность выражается в возможности преобразования ликвидационной процедуры в реорганизационную и наоборот.

Существование двух систем входа в процедуру банкротства вызвано разными историческими особенностями развития экономик, определяющих каждую из этих систем стран.

В первом случае существование двух систем предопределено длительным этапом существования и совместного развития финансового, торгового капиталов, высокой степенью концентрации финансового капитала и определяющей ролью в этом как средств для расчетов золота и серебра.

Система входа в процедуру банкротства конкурсным производством складывалась в Европе, в первую очередь в Италии, Франции, Англии, Германии, а также в той или иной степени в дальнейшем она распространилась на всю Европу [2]. В перечисленных странах целью конкурсного права являлось сохранение финансового капитала как наиболее развитого, позволяющего в дальнейшем воспроизвести выпадающий из экономики торговый капитал. Это, в свою очередь, предопределяло ликвидацию торгового дела должника, предполагающую созыв всех кредиторов торговца, независимо от их количества, для удовлетворения их требований за счет стоимости имущества. В связи с тем, что целью конкурсного производства стала ликвидация торгового дела должника, а не разрешение столкновения прав кредиторов, неоплатность, как основание конкурса в общем исполнительном производстве, оказалась непригодной для нового конкурсного права.

Во втором случае существование двух систем вызвано степенью развития промышленного, финансового и торгового капиталов, вспомогательной ролью торгового капитала и определяющей ролью бурно развивающегося промышленного капитала, соответственно, степенью защиты интересов промышленного бизнеса в целом и сохранения промышленного капитала как источника роста финансового капитала. Примером применения подобной системы являются США.

Торговый капитал постоянно пребывает только в процессе обращения, в отличие от промышленного капитала, и не участвует в процессе производства. Устойчивость торгового капитала определяется внешними условиями, тем убытком или прибылью, которые он получит после завершения своего оборота. В отличие от него промышленный капитал помимо ранее указанного источника получил дополнительно внутренний источник – добавочный капитал, который, соответственно, требует дополнительного времени на его воспроизводство. Указанный источник является одним из тех факторов, который отличал эти капиталы. Внешним проявлением приведенных источников является время – время оборота и, соответственно, скорость оборота капиталов. Истечение этого ресурса порождало возникновение соответствующих рисков – риск утраты капитала.

При этом выбор того или иного входа в процедуры банкротства определялся степенью сохранения совокупного капитала, слабостью той или иной части капитала и возможностью воспроизводства его отдельных частей в случае утраты.

Именно сохранение совокупного капитала и определило в указанных системах выбор:

- 1) конкурсной процедуры – для системы, в которой определяющую роль играла торговая деятельность.
- 2) реабилитационной процедуры – для системы, в которой возрастание совокупного капитала определял промышленный капитал.

В советский период государство на семь десятилетий прервало и исключило из экономического и правового оборотов институт банкротства.

Исторически Россия в меньшей степени была включена в международное разделение труда, а после открытия страны и своего рынка предприятия оказались на распутье.

В современной России начало было положено Законом РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». В статье «Концепция банкротства: законодательная модель и реальность» С.В. Белых указывает, что основной причиной неэффективного применения законодательства о банкротстве является общий кризис, поразивший экономику России. Однако главный экономический фактор – монополизм, порожденный общенародной (государственной) собственностью, а также кризис неплатежей. Автор подчеркивает, что в условиях переходного периода к рыночной экономике при разработке законодательства о несостоятельности (банкротстве) следует учитывать условия переходного периода, в связи с чем не может быть механического копирования законодательных моделей государств с развитой экономикой, а также дореволюционного и недолгого послереволюционного опыта нашей страны [3].

В силу того, что закон не оправдал возлагаемых на него надежд, на смену закону о несостоятельности предприятий пришел новый Федеральный закон РФ от 1 марта 1998 г. «О несостоятельности (банкротстве)», но и его положения со временем устарели.

В последующее время Россия пошла своим путем и попыталась объединить в какой-то мере эти две системы, заимствовав и приспособив другие институты.

Таким образом, был введен в действие и действует в настоящее время Федеральный закон РФ от 26 сентября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Особенностью приведенной системы является система «единого входа» в процедуру банкротства [1]. Конструирование модели произведено через введение процедуры наблюдения, в ходе которой на основании полученных в указанной процедуре сведений в последующем принимается одно из следующих решений:

- введение реабилитационных процедур;
- введение ликвидационных процедур.

Согласно законодательству о банкротстве, в настоящее время предусмотрена одна ликвидационная процедура, которая включает конкурсное производство и три реабилитационных:

- 1) финансовое оздоровление;
- 2) внешнее управление;
- 3) мировое соглашение.

С самого начала эффективность процедуры наблюдения и возможность ее существования являлись весьма дискуссионным вопросом. Основанием для дискуссий выступала проблема модельного выбора участников дискуссий, придерживающихся разных моделей. Даже выбор законодателем смешанной модели не остановил стороны от прекращения дискуссий. Большинство авторов придерживались отрицательной позиции о необходимости существования в российском праве такого этапа.

На приведенные обстоятельства было указано Р. Калнаном в ходе Российско-британского семинара судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве), проходившего с 27 ноября по 1 декабря 2000 г. В качестве главного недостатка в ходе процедуры наблюдения он указал на риск снижения стоимости бизнеса должника в связи с задержками в период действия данной процедуры. Минусом является и долгое принятие решения в делах о несостоятельности (банкротстве), а также сохранение руководством должника своих полномочий, даже если руководителем является временный управляющий [4].

Однако, как указывалось ранее, такой риск присущ, прежде всего, торговому капиталу – предприятиям, основной деятельностью которых является торговля.

Точку в этой дискуссии поставил Конституционный Суд РФ, который в своем постановлении отметил, что «наблюдение позволяет учесть законные интересы всех участников дела о банкрот-

стве, в том числе предупредить злоупотребление правами как со стороны должника, так и со стороны кредиторов»¹. Согласившись с данным утверждением Конституционного Суда РФ, необходимо отметить, что процедура наблюдения имеет все-таки свои положительные стороны. Одной из них является принятие решения о дальнейшей процедуре банкротства, которая выбирается наиболее простым и доступным способом. Такой выбор возможен благодаря большому количеству собранной информации при проведении анализа финансового состояния должника. Другой положительной стороной является возможность учета законных прав и интересов как должника, так и кредиторов на данной стадии производства по делу.

Следовательно, вход в процедуру банкротства из процедуры наблюдения, предусмотренный действующим российским законодательством, представляется наиболее оптимальным решением.

Закон о банкротстве различает процедуры несостоятельности (банкротства) различных категорий должников. Отличный порядок предусмотрен для юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, что является оправданным.

Важным является и то обстоятельство, что закон выделяет особые категории должников, к которым относятся градообразующие, сельскохозяйственные, финансовые, кредитные, стратегические организации и предприятия, субъекты естественной монополии, застройщики, участники клиринга и клиенты участника клиринга. К этой категории организаций закон применяет особый порядок (ст. 168 Закона о банкротстве), указав, что к отношениям, связанным с банкротством градообразующих, сельскохозяйственных, финансовых организаций, стратегических предприятий и организаций, субъектов естественных монополий, а также к отношениям, связанным с банкротством застройщиков, применяются положения закона, регулирующие банкротство должников – юридических лиц, если иное не предусмотрено гл. IX².

Дела о несостоятельности (банкротстве) подсудны арбитражным судам и рассматриваются судьей единолично, без арбитражных заседателей³.

Проанализировав Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ) и Закон о банкротстве, можно сделать вывод о том, что основанием для возбуждения дела о банкротстве является заявление, которое должно быть подано в арбитражный суд. Статья 224 АПК РФ и Закон о банкротстве устанавливают перечень лиц, которые имеют право на подачу заявления о признании должника банкротом. К таким лицам относятся должник, конкурсные кредиторы, уполномоченные органы. В настоящее время определена различная процедура подачи заявления для указанных категорий лиц. Вместе с тем представляется необходимым предусмотреть единый порядок предъявления требований о признании несостоятельным (банкротом) юридического лица для всех кредиторов – такие требования могут быть предъявлены при наличии вступившего в силу судебного решения о взыскании долга.

Однако согласно информации Судебного департамента Верховного Суда РФ, в 2019 г. в арбитражные суды поступило 146 482 заявления о признании должника банкротом, общая сумма долга по которым составила 2 182 317 045 тыс. р. В то же время размер удовлетворенных требований кредиторов составил всего 130 723 086 тыс. р., т.е. 5,9 % общего реестра требований были погашены. Более того, согласно информации Единого федерального реестра сведений о банкротстве, примерно в 70 % завершенных процедур банкротства отсутствует какое-либо погашение задолженности перед кредиторами, в том числе и перед бюджетом РФ. Исходя из анализа статистических данных судебной практики по делам о банкротстве, функционирование института несостоятельности в подавляющем большинстве случаев приводит к ликвидации предприятия без получения кредиторами надлежащего удовлетворения своих требований [5].

Законодательство о несостоятельности (банкротстве) предусматривает различные механизмы, к которым могут прибегнуть стороны для защиты своих интересов. В свою очередь, практика выявля-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации: [от 12 марта 2001 г. № 4-П] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 12. – Ст. 1138.

² О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон Российской Федерации: [от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

ет недостатки законодательного регулирования института несостоятельности (банкротства) [6]. При этом во многих случаях к банкротству должника приводит не только принятие таких управленческих решений, которые в этот момент не являлись очевидно неправильными, но и стечение обстоятельств. Особенно ярко это проявилось в 2020–2021 гг., когда мир столкнулся с новой коронавирусной инфекцией (SARS-CoV-2), а также с вызванными ей другими проблемами. В результате возникшая новая коронавирусная инфекция остановила взаимодействие стран и активную международную торговлю, наложила определенные ограничения как на взаимодействие хозяйствующих субъектов, так и на жизнь человека. Как в мире в целом, так и в Российской Федерации пострадали многие сферы деятельности, начался период стагнации, в экономике страны стал снижаться валовой внутренний продукт, а многие люди потеряли работу. У большинства организаций появились долги перед бюджетом и другими кредиторами. Правительство РФ оперативно внесло поправки в законодательство о банкротстве, и уже 1 апреля 2020 г. вступил в силу мораторий на возбуждение дел о банкротстве.

Кроме того, было принято Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников», согласно которому с 6 апреля 2020 г. на шесть месяцев был введен мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении определенных категорий должников [7]. В 2022 г. Правительством РФ повторно был введен мораторий⁴ на возбуждение дел о банкротстве на шесть месяцев с 1 апреля 2022 г. Однако за указанный период времени законодательная база мало изменилась, а также оказалась очень слаба и не рассчитана на повторяющиеся экстренные ситуации.

В подобной ситуации управленческие решения, обусловленные или не обусловленные ошибками и просчетами, если данный субъект относится к предприятиям малого и среднего бизнеса, не могут быть разрешены по объективной причине вследствие отсутствия необходимых денежных средств и невозможности кредитования. Среди этих предприятий можно выделить сегмент, категорию предприятий численностью 50–100 человек и оборотом 10–100 млн р., кредиторами которых выступает ограниченное количество лиц. В ситуации с банкротством должника права требования таких кредиторов, относящихся к третьей и четвертой очереди, принадлежащие им в силу закона или договора, не всегда могут быть полностью удовлетворены, т.к. имущества должника, как правило, для этого недостаточно. В связи с этим справедливое отношение ко всем кредиторам практически невозможно. В нашей действительности это сводится к тому, что при банкротстве предприятий малого и среднего бизнеса кредиторы третьей и четвертой очереди теряют все. Указанная категория кредиторов в принципе не заинтересована в банкротстве должника.

Если имеются возможности оздоровить (восстановить) деятельность предприятия с целью предотвращения его ликвидации, предусматриваются специальные реорганизационные процедуры. На стадии внешнего управления законом предусмотрена такая процедура, как замещение активов должника, которая, однако, предусматривает создание на базе имущества должника, в целях замещения его активов, только открытого акционерного общества. Следует признать, что указанная процедура не только является технически сложной, но и требует больших финансовых ресурсов, соответственно, может применяться только к ограниченному количеству должников – к крупным предприятиям-должникам. Особенностью предприятий малого и среднего бизнеса в ситуации, когда предприятие вошло в процедуру банкротства, является невозможность привлечения внешнего финансирования для их дальнейшей деятельности. Главной целью в такой ситуации является повышение платежеспособности должника и обеспеченности финансовыми ресурсами, что возможно сделать с помощью проведения реабилитационных процедур. В связи с этим обстоятельством представляется целесообразным распространить процедуру замещения активов должника на ограниченную категорию предприятий (малого и среднего бизнеса), предусмотрев создание на их базе, как базе имущества должника, общества с ограниченной ответственностью, что поможет в первую очередь не только сохранить предприятие как бизнес-единицу.

⁴ О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами: постановление Правительства Российской Федерации: [от 28 марта 2022 г. № 497]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2022). – Текст: электронный.

цу, но и изменить, дополнить состав участников общества новыми лицами – кредиторами общества. Это позволит последним, в случае необходимости, изменить управление обществом, улучшит структуру баланса и, возможно, приведет к получению внешнего финансирования: банковскому или коммерческому кредитованию. Проведенная при этом реструктуризация не лишает кредиторов доходов от их основной сферы деятельности, а также создает возможность осуществления контроля и управления обществом. В этом случае целесообразно для вновь образованного общества с ограниченной ответственностью ввести мораторий на срок до трех лет на право выхода участников общества из последнего, а также принять ряд других ограничений.

Соответственно, без процедуры наблюдения невозможно провести реабилитационные процедуры предложенной категории предприятий. При этом сам характер процедуры наблюдения меняется. В рассмотренном контексте она приобретает подготовительную (проектную) функцию – «создает предпосылки для применения других судебных процедур» и «определяет дальнейшую судьбу должника» [8, с. 122].

Список литературы

1. Богданова А.В., Камаева Н.В. Необходимость обязательного введения процедуры наблюдения как стадии банкротства: российский и зарубежный опыт // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. – Пенза: Наука и Просвещение, 2017. – С. 122–124.
2. Кораев К.Б. Правовое положение неплатежеспособного должника: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. – Санкт-Петербург, 2014. – 299 с.
3. Бельх В.С. Концепция банкротства: законодательная модель и реальность // Российский юридический журнал. – 1995. – № 3. – С. 37–48.
4. Калнан Р. Процедура наблюдения (в российском Законе о несостоятельности) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 3. – С. 70–75.
5. Абрамов А.М. Неправомерные действия при банкротстве: ключевые проблемы законодательства и пути решения // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 82–88.
6. Щелчкова В.М. Теоретические проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) // Вестник магистратуры. – 2019. – № 6-3. – С. 107–110.
7. Гришина А.М. Пробелы в законодательстве о несостоятельности (банкротстве), возникшие в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (SARS-COV-2) // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей II Всероссийской научной конференции. – Курск: Изд-во ЮЗГУ, 2020. – С. 38–42.
8. Циндяйкина А.Э. Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2012. – 201 с.

References

1. Bogdanova A.V., Kamaeva N.V. Neobhodimost' obyazatel'nogo vvedeniya procedury nablyudeniya kak stadii bankrotstva: rossijskij i zarubezhnyj opyt // Sovremennaya yurisprudenciya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii. – Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2017. – S. 122–124.
2. Koraev K.B. Pravovoe polozhenie neplatezhesposobnogo dolzhnika: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.03. – Sankt-Peterburg, 2014. – 299 s.
3. Belyh V.S. Koncepciya bankrotstva: zakonodatel'naya model' i real'nost' // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 1995. – № 3. – S. 37–48.
4. Kalnan R. Procedura nablyudeniya (v rossijskom Zakone o nesostoyatel'nosti) // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. – 2001. – № 3. – S. 70–75.
5. Abramov A.M. Nepravomernye dejstviya pri bankrotstve: klyuchevye problemy zakonodatel'stva i puti resheniya // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Yuridicheskie nauki". – 2021. – T. 7, № 3. – S. 82–88.
6. Shchelchkova V.M. Teoreticheskie problemy pravovogo regulirovaniya nesostoyatel'nosti (bankrotstva) // Vestnik magistratury. – 2019. – № 6-3. – S. 107–110.

7. *Grishina A.M.* Probely v zakonodatel'stve o nesostoyatel'nosti (bankrotstve), vznikshie v svyazi s rasprostraneniem novoy koronavirusnoy infekcii (SARS-COV-2) // *Chastnoe pravo v evolyucioniruyushchem obshchestve: tradicii i novacii: sbornik nauchnykh statej II Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. – Kursk: Izd-vo YuZGU, 2020. – S. 38–42.
8. *Cindyajkina A.E.* Pravovoe regulirovanie konkursnogo osparivaniya sdelok dolzhnika pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve): dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. – Moskva, 2012. – 201 s.

УДК 340.1+342.52

О СПОСОБЕ СНИЖЕНИЯ НАГРУЗКИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОРГАН РОССИИ

Ромашенко Наталия Игоревна¹,

e-mail: Inata.ua@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Объектом исследования является нагрузка на законодательный орган России, а предметом – способ ее снижения. Цель работы – рассмотрение уставных документов юридических лиц как источников права для снижения нагрузки на законодательный орган России. Достижению поставленной цели способствовали такие основные методы исследования, как статистический и сравнительно-правовой анализ. Кроме того, для анализа использовались статистика официальных правительственных ресурсов, мнения различных научных деятелей по данной проблематике и смежным с ней вопросам. После проведенного анализа зафиксированы тенденция к постоянному наращиванию нормативных массивов и постоянная новеллизация законодательства. Выявлена негативная реакция общества на указанную тенденцию. Подчеркивается, что признание уставных документов юридических лиц как нормативно-правовых можно рассматривать как способ решения проблемы. Предложенный способ теоретически приведет к позитивным последствиям, среди которых продвижение тенденции саморегулирования организаций, и, следовательно, к установлению более доверительных отношений между юридическими лицами и законодательными, судебными органами. Формулируется вывод о том, что предложенная идея заслуживает более детального рассмотрения и дальнейшего развития.

Ключевые слова: законотворчество, нормотворческая инфляция, новеллизация, нормативный массив, уставные документы, устав, нормативные акты, локальные акты, источники права

ON THE WAY TO REDUCE THE BURDEN ON THE LEGISLATIVE BODY OF RUSSIA

Romashenko N.I.¹,

e-mail: Inata.ua@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The study object of this article is the burden on the legislature of Russia, and the subject of research is to find the way to reduce it. The purpose of the work is to consider the statutory instruments of corporate bodies as the source of law, in order to cope with the burden on the legislature of Russia. The following basic methods were applied in order to achieve this goal: statistical analysis and comparative law analysis. The statistics from official government resources have been used for the analysis, the opinions of various scientists on specific problems and related issues have been studied. The result of the research shows that there is a tendency to constantly increase the amount laws and a constant novelization of legislation also exists. Furthermore, in the course of the study, a negative reaction of society to the phenomena mentioned above has been revealed. Recognition of statutory documents of legal entities as normative legal can be considered as a way to solve the problem. The proposed method will in theory give a number of positive consequences, such as the promotion of the trend of self-regulation of organizations. As a consequence it will give a more trusting relationship between legal entities and legislative and judicial authorities. As a result of the research, it can be considered that the proposed idea deserves more detailed consideration and further development.

Keywords: lawmaking, rule-making inflation, novelization, normative array, statutory documents, charter, normative acts, local acts, sources of law

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-51-56

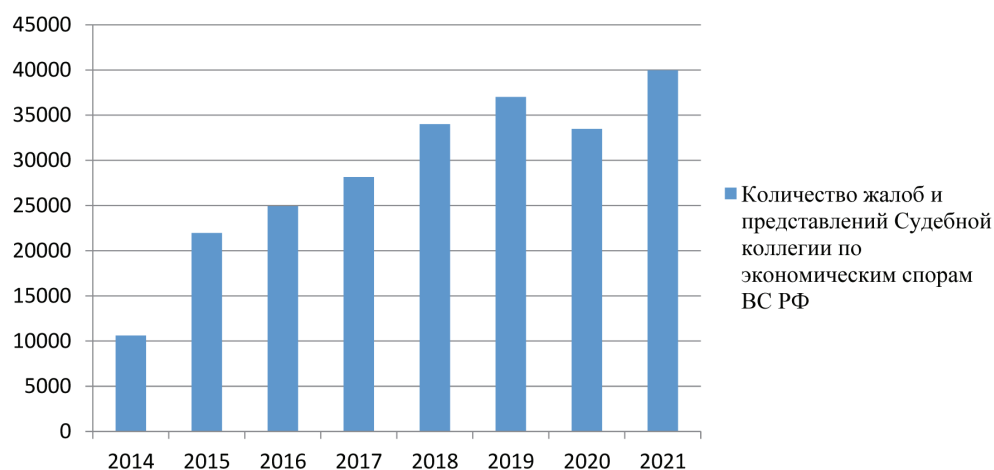
Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена отсутствием в современном российском законодательстве четких и ясных механизмов регулирования качества нормотворческой деятельности законодательного органа. О проблеме постоянного наращивания нормативных массивов и регулярной новеллизации говорят уже не только в научном сообществе, но и в средствах массовой информации.

Сделать вывод о том, что законодательный орган России на данный момент имеет достаточно высокую нагрузку, можно исходя из наблюдаемой законодательной инфляции, которая определяется как непрерывная интенсификация законотворческой деятельности, включающая два взаимосвязанных направления: во-первых, устойчивое наращивание нормативных массивов, во-вторых, перманентную новеллизацию, т.е. регулярные правки действующего законодательства [1]. Количественный рост законодательства в Российской Федерации постоянен. Основываясь на данных официального сайта Государственной Думы Федерального Собрания РФ, мы видим постоянный рост количества законодательных инициатив и принимаемых законов, что приведено в таблице¹.

Статистика законодательной деятельности

Номер созыва	Количество вынесенных на рассмотрение законодательных инициатив	Количество опубликованных законов и изменений в уже действующих законах
1	24	24
2	2211	775
3	4808	732
4	4830	1077
5	4704	1608
6	6382	2196
7	6505	2672

Основываясь на постоянном росте количества жалоб, рассматриваемых в Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), можно сделать вывод о том, что количественное увеличение законопроектов не приносит качественного улучшения. Статистические данные приведены далее².

Статистические данные о количестве жалоб и представлений в Верховный Суд Российской Федерации

Н.А. Власенко считает, что законотворческий процесс превращается в «латание дыр» в текущем законодательстве [2]. По мнению И.В. Сехина, законодатель не обладает достаточными ресурсами, а

¹ Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законодательство». – URL: <http://www.surl.li/blocq> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.

² Официальный сайт Верховного Суда. – URL: <http://www.supcourt.ru/documents/statistics> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.

именно кадровыми, временными и интеллектуальными, для поддержания среднестатистического уровня качества принимаемого законодательства [3].

Российские средства массовой информации тоже не остались в стороне и сравнивают Государственную Думу Федерального Собрания РФ с принтером. Так, русская служба BBC News в ноябре 2020 г. опубликовала статью, в которой отметила, что российские депутаты в рекордные сроки, всего за три дня, подготовили объемный блок запретительных инициатив. Подобная ситуация ранее происходила в 2012–2013 гг.³ Издание «Независимая газета» заметило высокую скорость разработки законов, а уже в апреле 2021 г. вышла статья с предположением, что для разработки норм используют функцию *copy paste*.⁴

Некачественное регулирование усугубляет правовую неопределенность, что влечет существенные издержки для бизнеса и общества в целом, создает почву для неизбежных нарушений многочисленных, казуистичных, не согласованных между собой и не ясных по содержанию законов.

Болезненный юридический позитивизм и заикленность на контроле в современной российской правовой культуре являются следствиями нашей политической традиции, привычки государства порождать недоверие к перспективам саморегуляции гражданского общества, непонимания и недооценки феномена судебного правотворчества. В России все это усугубляется низким качеством самого регулирования, растущим, но все еще недостаточно высоким уровнем научного осмысления проблем гражданского права и общим упадком юридического образования, отсутствием веры в справедливый суд и всепроникающей коррупцией.

Было бы ошибкой не затронуть в данной теме вопрос принятия поправок к Конституции РФ в 2020 г. Работа была проделана очень обширная, которая затронула различные сферы жизнедеятельности государства. Естественно, данное событие привело к очередной волне изменения законодательства. Так, всего в Конституцию РФ было внесено 206 изменений, которые повлекли за собой внесение правок в 136 соответствующих законов, а также принятие 17 новых законов во исполнение конституционных положений.

Мнения относительно внесенных изменений разделились. Кто-то смотрит на смысловое содержание изменений и говорит о пользе данных поправок, т.к. они нацелены в первую очередь на укрепление суверенитета страны [4]. Однако есть и те, которые считают, что изменение Конституции РФ путем внесения в нее поправок – это недобросовестное правотворчество, имеющее ряд негативных последствий, например внесение поправок в обход гл. 9 Конституции РФ и, как следствие, игнорирование необходимости созыва Конституционного Собрания. Кроме того, принятые правки нарушают предметный принцип ее структурирования. Так, в гл. 3 внесена ст. 67.1, которая по смыслу больше подходит для первой главы. Следует отметить, что таких недочетов имеется достаточное количество⁵. В совокупности эти и другие недостатки портят репутацию Конституции РФ как главного нерушимого закона страны и не в лучшую сторону характеризуют наш законодательный орган [5].

Однако необходимо выделить несколько важных для данного исследования новых статей. В первую очередь, ст. 75.1 Конституции РФ закрепляет направленность государства на развитие устойчивого экономического роста и, что еще более важно, поддержание взаимного доверия между государством и обществом. Важность приведенного изменения прослеживается далее по тексту статьи, однако изменения в ст. 107 и 108 Конституции РФ являются более очевидными в контексте исследования. Внесение возможности проводить проверку конституционности принимаемых законопроектов и возможность таким образом отсеивать некачественные – явный шаг в сторону развития механизма регулирования законотворчества в стране. Можно полагать, что такое изменение свидетельствует о том, что государство осознает важность проблемы некачественного законотворчества⁶.

³ Русская служба Би-би-си. – URL: <http://www.bbc.com/russian/features-55006471> (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.

⁴ Независимая газета. – URL: http://www.ng.ru/politics/2021-10-04/1_8268_printer.html (дата обращения: 06.03.2022). – Текст: электронный.

⁵ Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голос. 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 1 июля 2020 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

⁶ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ: [от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.02.2022). – Текст: электронный.

В качестве способов разгрузки отечественного законодательства можно предложить вариант с признанием уставных документов организаций как источников права и, соответственно, считать их полноценными нормативно-правовыми документами. О пользе и уместности данного предложения можно сказать следующее: идея рассмотрения корпоративных документов как источников права существует уже достаточно давно. В дореволюционной России выделяли законодательно-автономный подход к пониманию правовой природы корпоративных актов. На примере устава организации показывалось, что у отдельных лиц или союзов лиц, которые находятся вне законодательного аппарата, имеется право создавать самим себе нормы объективного права в ограниченной области, соответственно, это показывает автономность корпоративного акта. Однако в связи с тем, что существование подобных актов возможно только благодаря разрешению государственной власти, это говорит об их законодательной подчиненности⁷. В советский период существовало такое понятие, схожее с современным корпоративным актом, как «локальные акты». Ученые в области трудового права относили локальные акты к результатам правотворчества организаций в сфере трудовых отношений, тем самым наделяя такие акты самостоятельностью и подтверждая наличие у организаций права на относительную саморегуляцию [6].

На сегодняшний день помимо прочих существуют сторонники рассмотрения корпоративных актов как нормативно-правовых. Т.В. Кашанина в своих работах выделяет у корпоративных актов такие основные признаки, как нормативность, способность регулировать повторяющиеся ситуации, документированность и системность. Однако можно сказать, что нормативность возможна только у актов, напрямую издаваемых государством. В противовес заметим, что уставные документы – единственные из всех корпоративных актов, которые подвергаются обязательной государственной регистрации, а также любое изменение необходимо в дальнейшем регистрировать в Едином государственном реестре юридических лиц. Вполне можно считать, что наличие обязательной государственной регистрации – это прямая связь с государственным органом, а государственный орган, принимая к регистрации документ, признает его правильность и непротиворечие действующему законодательству.

Даже если отвергнуть отнесение корпоративного уставного документа к законодательным, остается еще несколько вариантов. Например, Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает понятия «иные правовые акты» и «иные источники» гражданского права⁸. В п. 6 ст. 3 Гражданского кодекса РФ сказано, что к иным нормативным актам относятся указы Президента РФ и постановления Правительства РФ. Однако понятие иных нормативных актов применяется в гражданском законодательстве очень часто, а с логической точки зрения к ним можно отнести более широкий спектр нормативно-правовых документов, т.к. речь идет о незаконодательных документах. Однако ВС РФ категорично отвергает подобное «расширение» понятия иного правового акта и принципиально следует определению из закона (см. Решение ВС РФ от 19 мая 2003 г. № ГКПИ2003-353, Определение ВС РФ от 26 августа 2003 г. № КАС03-391). К понятию «иные источники гражданского права» общепризнанно относятся правовые обычаи, которые являются самыми слабыми по своей юридической силе источниками права [7]. Данный источник, как правило, очень редко применяется на практике ввиду узкой специализации. В то же время количество юридических лиц в нашем государстве очень велико, а самая востребованная форма юридического лица – хозяйственное общество, которое относится к корпоративным юридическим лицам. Государством уже предусмотрена типовая форма устава и учредительного договора. Следует рассмотреть возможность отнесения учредительных документов к иным источникам права по причине их широкой востребованности, придания им статуса приближенного к законодательным актам путем государственной регистрации и наличия ответственности за нарушение их положений как на локальном, внутриорганизационном уровне, так и на государственном.

Таким образом, если рассматривать корпоративные уставные акты как источники права, государство шагнет в сторону развития саморегулирования различных организаций в целом и корпоративных юридических лиц в частности. Саморегулирование даст гражданам в определенной степени законот-

⁷ Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Часть общая. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1911. – Т. 1. – С. 329–334.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1): [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25 февраля 2022 г.)]. – П. 6 ст. 3. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 26.02.2022). – Текст: электронный.

ворческую возможность, что можно рассмотреть как делегированное законотворчество. Это вполне вероятно породит больше доверия к судебной системе, т.к. суд будет принимать решение, руководствуясь не только общими законами, но и уставными документами конкретной организации.

Не стоит забывать, что в современной Российской Федерации уже предприняты попытки передачи части государственной функции законотворчества посредством образования саморегулируемых организаций (далее – СРО). Саморегулируемые организации – это самое настоящее проявление частной законодательной автономии, т.к. они разрабатывают стандарты и правила предпринимательской и профессиональной деятельности, которые являются обязательными для исполнения и охраняются государством [8]. Однако здесь следует отметить, что концепция решения проблемы, предлагаемая в данной статье, соответствует закреплённым в обновлённой Конституции РФ направлениям развития государства, в частности имеются в виду ст. 75.1 Конституции РФ и повышение доверия между государством и обществом.

Подводя итоги, можно сказать, что отнесение корпоративных уставных документов к источникам права на официальном уровне частично поможет снизить нагрузку на государственного законодателя с помощью делегированного законотворчества. Кроме того, это может заставить учредителей серьезнее отнестись к вопросу составления уставных документов, т.к. данное действие будет приближено по своему смыслу к законодательному процессу. Возможно, будет необходимо вновь обязать организации выкладывать свои уставы в публичный доступ, как это было в дореволюционной России [9], хотя и сейчас уставные документы организации не являются конфиденциальной информацией, однако обязательной общественной публикации они не подлежат.

Список литературы

1. Демин А.В. Законодательная инфляция и судебный активизм как способ ее преодоления: на примере налоговых споров // Право и образование. – 2016. – № 2. – С. 88–99.
2. Власенко Н.А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 40–45.
3. Сехин И.В. Законодательная инфляция как актуальная проблема правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1. – С. 21–28.
4. Бредихин А.Л., Проценко Е.Д. Государственный суверенитет Российской Федерации в свете поправок к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 11. – С. 21–23.
5. Чашин А.Н. Влияние поправок в Конституцию РФ на ее структуру // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 26–28.
6. Левин Ф.М. Нормативные акты как регулирующие труд рабочих и служащих. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. – 135 с.
7. Асосков А.В., Байбак В.В., Бевзенко Р.С., Громов А.А., Громов С.А., Калятин В.О., Карапетов А.Г., Маркелова А.А., Павлов А.А., Петроль О.Д., Рыбалов А.О., Сарбаш С.В., Суворов Е.Д., Федоров Д.В., Церковников М.А., Ягельницкий А.А. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: Статут, 2020. – 1104 с.
8. Шевчук С.С., Зыбина О.С., Толстова Е.А. Юридические факты в гражданском праве: теоретические и практические проблемы. – Санкт-Петербург: САЮ, 2021. – 232 с.
9. Петражицкий Л.И. Акционерная компания. Акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве: по поводу предстоящей реформы акционерного права. Экономическое исследование. – Санкт-Петербург: Типография Министерства финансов, 1898. – 220 с.

References

1. Demin A.V. Zakonodatel'naya inflyaciya i sudebnyj aktivizm kak sposob ee preodoleniya: na primere nalogovyh sporov // Pravo i obrazovanie. – 2016. – № 2. – S. 88–99.
2. Vlasenko N.A. O krizisnyh tendenciayah v prave // Yuridicheskaya tekhnika. – 2014. – № 8. – S. 40–45.
3. Sekhin I.V. Zakonodatel'naya inflyaciya kak aktual'naya problema pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2019. – № 1. – S. 21–28.

4. *Bredihin A.L., Prochenko E.D.* Gosudarstvennyj suverenitet Rossijskoj Federacii v svete popravok k Konstitucii Rossijskoj Federacii, prinyatyh v 2020 g. // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2020. – № 11. – S. 21–23.
5. *Chashin A.N.* Vliyanie popravok v Konstituciyu RF na ee strukturu // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2021. – № 5. – S. 26–28.
6. *Leviant F.M.* Normativnye akty kak reguliruyushchie trud rabochih i sluzhashchih. – Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1960. – 135 s.
7. *Asoskov A.V., Bajbak V.V., Bevzenko R.S., Gromov A.A., Gromov S.A., Kalyatin V.O., Karapetov A.G., Markelova A.A., Pavlov A.A., Petrol' O.D., Rybalov A.O., Sarbash S.V., Suvorov E.D., Fedorov D.V., Cerkovnikov M.A., Yagel'nickij A.A.* Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postatejnyj kommentarij k stat'yam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / otv. red. A.G. Karapetov. – Moskva: Statut, 2020. – 1104 s.
8. *Shevchuk S.S., Zybina O.S., Tolstova E.A.* Yuridicheskie fakty v grazhdanskom prave: teoreticheskie i prakticheskie problemy. – Sankt-Peterburg: SAYu, 2021. – 232 s.
9. *Petrzhickij L.I.* Akcionernaya kompaniya. Akcionernye zloupotrebleniya i rol' akcionernyh kompanij v narodnom hozyajstve: po povodu predstoyashchej reformy akcionernogo prava. Ekonomicheskoe issledovanie. – Sankt-Peterburg: Tipografiya Ministerstva finansov, 1898. – 220 s.

УДК 347.97/.99

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК НОВЫЙ ПРОВОДНИК МЕЖДУ ЛИЦАМИ, УЧАСТВУЮЩИМИ В ДЕЛЕ (НА ПРИМЕРЕ АВСТРАЛИИ И КИТАЯ)

Слабоспицкий Анатолий Сергеевич^{1,2},
e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Лейко Петр Игоревич¹,
e-mail: 28356peter@gmail.com,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

Потенциал аналогии права, позволивший найти новые формы и методы взаимодействия с тяжущимися, активно развивался в условиях пандемии. В работе раскрываются некоторые проблемы функционирования судебных систем исследуемых стран с целью осветить преимущества и недостатки данного опыта. Задачи исследования – краткий обзор опыта судопроизводства на примере Австралии и Китая, рассмотрение отдельных аспектов цифровизации правосудия. Цель исследования – осветить практические предложения зарубежных юрисдикций по повышению доступности правосудия, преимущества и недостатки полученного опыта модернизации подходов использования информационных технологий. Методологическую основу составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также общенаучные методы познания. Анализ зарубежного опыта работы в кризисной ситуации позволяет сформулировать идеи на будущее, высеченные условиями пандемии и требующие публичной дискуссии. Показательно, что ряд механизмов двух независимых систем, предложенных к внедрению, носит общие основополагающие черты: переход на активное использование видеоконференцсвязи, в том числе со сторонами, находящимися за границей, наличие механизмов приостановления процессуальных сроков в период пандемии.

Ключевые слова: пандемия, судопроизводство, судоустройство, информационные технологии, дистанционное правосудие, процессуальные сроки

DIGITALIZATION AS A NEW CONDUIT BETWEEN THE PERSONS INVOLVED IN THE CASE (ON THE EXPERIENCE OF AUSTRALIA AND CHINA)

Slabospitsky A.S.^{1,2},
e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Leiko P.I.¹,
e-mail: 28356peter@gmail.com,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²All-Russian State University of Justice, Moscow, Russia

The potential of the analogy of law, which made it possible to find new forms and methods of interaction with litigants, was actively developing in the conditions of the pandemic. The article reveals some problems of the functioning of the judicial systems of the studied countries in order to highlight the advantages and disadvantages of this experience. The task of the study is a brief review of the experience of civil proceedings in the context of a pandemic on the example of Australia and China, consideration of certain aspects of the digitalization of justice. The purpose of the study is to highlight the practical proposals of foreign jurisdictions to increase the accessibility of justice, to reflect the advantages and disadvantages of the experience gained in modernizing approaches to the use of information technology. Methodological basis is the formal legal method, comparative legal method, as well as general scientific methods of cognition. The analysis of foreign experience of working in a crisis situation allows us to formulate ideas for the future, highlighted by the conditions of the pandemic

and requiring public discussion. It is significant that a number of mechanisms of the two independent systems proposed for implementation have common fundamental features: the transition to the active use of videoconferencing, including with parties located abroad, the availability of mechanisms for suspending procedural deadlines during the pandemic.

Keywords: pandemic, legal proceedings, judicial system, information technology, remote justice, procedural deadlines

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-57-62

В настоящее время наблюдается устойчивое укоренение в социальных, экономических, иных потребностях общества и государства информационно-коммуникационных технологий. Несмотря на то, что судебная система нашей страны достаточно фрагментарно внедряла данные технологии, именно период пандемии показал устойчивую тенденцию к расширенному использованию различных цифровых решений и в данной весьма консервативной сфере.

Внедрение любых новых алгоритмов работы неизбежно сталкивается с задачей по нивелированию рисков, которые объективно нельзя исключить. Как следствие, не зазорна умеренная рецепция опыта, выдержавшего проверку временем. Близкую позицию занимает И.И. Рогов, отмечая, что допустима умеренная имплементация зарубежного опыта [1]. В то же время существуют и противоположные точки зрения правоведов по этому вопросу. Так, Г.Т. Ермошин подчеркивал, что жизнь любого правового порядка, как и каждого человека, является уникальной [2].

Еще одним существенным моментом при внедрении новых моделей, методов, алгоритмов, правил и аналогичных вещей в трудовую деятельность любого сотрудника является время на адаптацию, которое, на наш взгляд, обычно не учитывается. Данная адаптация проявляется в том, чтобы сотрудник смог добиться той же эффективности работы в новых для себя условиях, и только после этого объективно возможно проводить анализ полученных результатов с точки зрения того, насколько нововведение оказалось эффективным с практической точки зрения.

Как видно из кратко описанных особенностей, именно благодаря анализу внешних моделей правосудия, несмотря на всю их аутентичность, можно обнаружить новые, ранее не используемые решения. При этом такой анализ нацелен на выявление как положительного опыта, так и отрицательного, что также является важным для его возможной имплементации.

Переходя к анализу опыта Австралии, сначала необходимо обратить внимание на федеративное устройство. Данная страна включает шесть штатов, две материковые территории и несколько офшорных. На федеральном уровне структура судов Австралии состоит из Федерального окружного суда Австралии, Суда по семейным делам, Федерального суда Австралии и Высокого суда Австралии, который рассматривает окончательные апелляции¹.

Федеральный окружной суд Австралии рассматривает так называемые менее сложные гражданские и экономические споры, в том числе споры, вытекающие из административного права и миграционного законодательства. Федеральный суд имеет отличительную особенность – он изменяет адрес нахождения и охватывает почти все гражданские и экономические споры, а также рассматривает апелляции на вердикты Федерального окружного суда Австралии и других судов. В связи с тем что в Австралии существует Суд по семейным делам, Федеральный суд Австралии не рассматривает жалобы и апелляции, вытекающие из семейного права [3].

Закон «О федеральном суде Австралии» 1976 г. предусматривает дачу показаний по видео- или аудиосвязи вне зависимости от того, где находится заинтересованное лицо, т.е. даже тогда, когда оно за пределами Австралии. Использование видеосвязи может произойти только в том случае, если у лица и суда имеются технологии, позволяющие всем присутствующим видеть и слышать друг друга².

¹ См.: Courts, Attorney-General's Department. – URL: <http://www.perma.cc/DSV7-AFE6> (дата обращения: 12.03.2022). – Текст: электронный; Role of the High Court, High Court of Australia. – URL: <http://www.perma.cc/9G8X-QRCD> (дата обращения: 18.02.2022). – Текст: электронный; Commonwealth of Australia Constitution Act (Cth) s 71. – URL: <http://www.perma.cc/R2VC-4BNJ> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

² Federal Court of Australia Act 1976 (Cth) ss 47A (1; 4) & 47B (1; 2). – URL: <http://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00342> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

В марте 2020 г. Федеральный суд Австралии опубликовал уведомление о мерах по продолжению работы федерального суда во время пандемии³. В нем говорится, что все слушания, за исключением некоторых случаев, будут проводиться с использованием технологий удаленного доступа, т.е. в первую очередь с использованием видеоконференцсвязи.

Следовательно, в Австралии именно Федеральный суд выступил с инициативой повсеместного перехода к дистанционному участию в судебном заседании с имеющимся ранее опытом работы с дистанционным судопроизводством.

Переходя к анализу практики правоотношений по гражданским и экономическим спорам в период пандемии в Китае, остановимся на судебной системе данной страны. Судебная система Китая является крупнейшей по численности тяжущихся на внутригосударственном уровне. Согласно статистическим данным, в материковом Китае насчитывается около 3600 судов (исключая Гонконг, Макао и Тайвань), в том числе около 409 высших народных судов и 3140 народных судов промежуточного уровня⁴.

Данная система состоит из Верховного народного суда Китая, местных народных судов и специализированных народных судов⁵. Местные народные суды имеют трехуровневую систему: первичные народные суды; промежуточные народные суды; высшие народные суды.

В Китае функционируют специализированные суды, которые принято разделять на военные и невоенные. В основу такого деления положен субъектный состав тяжущихся. Военные суды Народно-освободительной армии Китая имеют исчерпывающий набор правил. В основном они осуществляют юрисдикцию по делам, связанным со спорами в армии. В свою очередь, к невоенным судам относятся, например, морские суды, суды по интеллектуальной собственности, финансовые суды, суды по железнодорожному транспорту и интернет-суды, соответственно, специализация в данных судах проводится по предметному составу, что и определило название данных судов⁶. Так, морские суды расположены в следующих городах: Шанхай, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Далянь, Нинбо, Сямынь, Циндао, Ухань, Бэйхай, Хайкоу, Нанкин.

Кроме того, в Китае были созданы три интернет-суда в городах Ханчжоу, Пекин и Гуанчжоу. В них судебные разбирательства обычно проходят в режиме онлайн. В приведенных судах рассматривается предпринимательская деятельность интернет-магазинов, оказываются интернет-услуги, заключаются в электронном виде кредитные договоры, разрешаются споры в области авторских прав в интернете, а также споры, связанные с использованием доменных имен. Эти три суда рассматривают только дела первой инстанции в пределах юрисдикции соответствующего города⁷.

К концу 2014 г. в Китае образованы специализированные суды по интеллектуальным правам в провинции Гуанчжоу и Шанхае, а в дальнейшем и в Пекине. До этого в Китае уже функционировали 560 трибуналов и 300 судей, специализирующихся на интеллектуальных правах на всех уровнях судебной системы. В то же время такое внушительное количество судебных звеньев и их многолетняя работа в итоге привели к разобщенной судебной практике по интеллектуальным правам. С целью приведения ее к единообразию и были созданы названные три суда. Перечисленные специализированные суды стали первой инстанцией по всем административным делам своих регионов и второй инстанцией в отношении споров по интеллектуальной собственности в Китае. Акты данных судов возможно оспорить в Трибунале по интеллектуальной собственности при Верховном народном суде Китая⁸. Таким образом, правительство Китая выстроило многозвенную систему судов, занимающихся вопросами интеллектуального права.

³ Court of Australia, special measures in response to COVID-19 (SMIN-1), para. 1.1 (updated 31 March 2020). – URL: <http://www.perma.cc/VP23-RMEZ> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

⁴ Law of the People's Courts (adopted by the National People's Congress (NPC) on 1 July 1979, revised 26 October 2018), Arts. 12 & 15. – URL: <http://www.perma.cc/KL6M-67HZ> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

⁵ Чэньян Чжан. Великолепная четырехуровневая пирамида – судебная система Китая. – URL: <http://www.ru.chinajusticeobserver.com/a/magnificent-four-level-pyramid-chinas-court-system> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

⁶ Годун Ду. Что такое судебная система Китая? – URL: <http://www.ru.chinajusticeobserver.com> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

⁷ Laney Zhang. China: Supreme Court issues rules on Internet Courts, allowing for blockchain evidence, global legal monitor. – URL: <http://www.perma.cc/2EBW-RCV3> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

⁸ Yang Stephen. China to establish specialized IP Courts. – URL: <http://www.worldipreview.com> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

В середине 2018 г. образован Шанхайский финансовый суд – первый суд в Китае, занимающийся рассмотрением гражданских и административных дел, связанных с финансами. Финансовый суд Шанхая является промежуточным народным судом, а его акты подлежат обжалованию в Высшем народном суде Шанхая. Это высший суд местных народных судов всех округов Шанхая для рассмотрения финансовых споров⁹.

Кроме того, в середине 2018 г. образованы два международных коммерческих суда, соответственно в Шэньчжэне и Сиане. Международные коммерческие суды в основном рассматривают международные коммерческие дела в первой инстанции, когда сумма спора превышает 300 млн юаней, а заинтересованные стороны должны подчиняться юрисдикции Верховного народного суда Китая.

С точки зрения принципа инстанционности, природа специализированных судов различна. Суды по интеллектуальным правам, финансовый и морские суды являются судами промежуточной инстанции, а соответствующие им суды высшей инстанции – высшими народными судами. Однако интернет-суды выступают судами первой инстанции, а их суды высшей инстанции – промежуточными судами.

Некоторые местные суды также обладают характеристиками специализированных судов. Например, хотя Четвертый народный суд промежуточной инстанции Пекина формально не является специализированным судом, он рассматривает споры, связанные с иностранными государствами. Все дела по пересмотру актов третейских судов Пекина, а также почти все категории экономических споров на территории Пекина и лишь несколько дел, сумма споров которых превышает 200 млн юаней, рассматриваются Высоким народным судом Пекина или Верховным народным судом.

Содержание китайского законодательства изложено почти исключительно в «кодексах» или «статутах»¹⁰. Кроме того, хотя в Китае нет системы обязательных судебных прецедентов, Китай аналогичным с Россией образом признает важность последовательности и единообразия в применении правовых принципов к судебным спорам¹¹.

Гражданские и экономические дела рассматриваются в соответствии с гражданским процессуальным законодательством данной страны¹², согласно которому все судебные споры открыты, кроме тех, которые подпадают под такие критерии, как государственная тайна, тайна частной жизни и т.д. Само судопроизводство делится на две части:

- 1) судебное следствие, когда стороны представляют факты и доказательства;
- 2) судебные прения, когда истец, ответчик, третьи лица и их представители делают заявления и принимают участие в обсуждении процессуальных ходатайств по делу.

Кроме того, предусмотрен механизм, в силу которого дача показаний может осуществляться в формате видеоконференцсвязи, например, когда свидетель по объективным причинам не может явиться в судебный процесс лично. Кроме того, с согласия сторон разбирательство может целиком проводиться в режиме видеоконференции¹³. Для эффективного разрешения судебных споров по гражданским и экономическим делам запущена программа «отделения простых гражданских и экономических дел от сложных». Основная задача данной программы – перевод простых споров в электронный формат взаимодействия с судом¹⁴.

В китайском судопроизводстве одна сторона может участвовать в судебном разбирательстве онлайн, а другая – офлайн, т.е. присутствовать в зале судебных заседаний.

⁹ Годун Ду, Мэн Ю. Китай учредил Финансовый суд в Шанхае. – URL: <http://www.ru.chinajusticeobserver.com/a/china-established-the-financial-court-in-shanghai> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

¹⁰ Примечание. Many of these were enacted in the last quarter of the 20th century and have uniquely Chinese characteristics. These developments came about in view of the vast economic reform spearheaded by Deng Xiaoping. См.: Zhang Mo. The socialist legal system with Chinese characteristics: China's discourse for the rule of law and a bitter experience // Temple International and Comparative Law Journal. – 2010. – P. 34–35.

¹¹ Примечание. Judge Guo Feng stated that the case guidance system is intended to address the problem that “similar cases are adjudicated differently”. См.: Feng Guo. The compilation and application of China's guiding cases. – 2017. – 27 January.

¹² Civil Procedure Law: [adopted by the NPC on 9 April 1991, amended 27 June 2017]; Arts. 3 & 6. – URL: <http://www.perma.cc/YX8C-M9D9> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

¹³ Shi Fa. SPC, interpretations on the application of the Civil Procedure Law of the people's Republic of China. – URL: <http://www.perma.cc/9KAP-KVB4> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

¹⁴ China starts pilot program to boost civil litigation efficiency. – URL: <http://www.perma.cc/U5GH-HX8Z> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

После вспышки COVID-19 Высший суд Китая призвал внутригосударственные суды «полностью внедрять онлайн-судебные процессы через соответствующие онлайн-судебные платформы» [2]. Рассмотрев китайскую судебную систему, можно сделать вывод о том, что работа по осуществлению судебного разбирательства онлайн велась и до пандемии, а также что именно Высший суд Китая инициировал продвижение дистанционных технологий в период вспышки Covid-19.

Соответственно, изученный опыт внедрения дистанционных судебных разбирательств по гражданским и экономическим делам выявил не только преимущества, но и недостатки. Такими проблемами являются проверка участников процесса и проверка оригиналов документов [4]. Однако уже в Китае созданы интернет-суды, в которых акцент делается не на форму судебного разбирательства, а на категорию спора.

В судебных разбирательствах Австралии по гражданским и экономическим делам интерес вызывает то, что законодатель еще до пандемии вводил онлайн-разбирательства для заинтересованных лиц вне зависимости от места нахождения.

С началом пандемии в Китае и Австралии именно вышестоящие судебные инстанции выступили с инициативой о переводе всех звеньев судебной системы на удаленный механизм осуществления правосудия, для чего и выпустили соответствующие регламенты.

Кроме того, различием между этими государствами является то, что Китай воспользовался государственными разработками по созданию соответствующей специализированной программы, по своей сути совпадающей с отечественным программным обеспечением [5], для проведения видеоконференцсвязи, а Австралия стала использовать уже ранее функционировавшие общие доступные платформы, такие как Microsoft Teams, Zoom и аналогичные продукты, как это реализовали Англия [6], Франция [7], Сингапур. Соответственно, данные государства понесли затраты только в части оплаты услуг указанных платформ и не испытывали проблем с их работой, т.к. в любой момент времени могли сменить исполнителя.

Несмотря на различие в подходах к тому, какая система должна стать проводником между судом и лицами, обращающимися за судебной защитой [8], прослеживается единый мейнстрим на цифровизацию, в том числе посредством расширенного использования таких механизмов, как видеоконференцсвязь, т.е. рассмотрение споров в отступление от принципа непосредственности, электронный документооборот между лицами, участвующими в деле, а также внедрение практик, когда сам суд превращается из здания (дома) правосудия, с очередями в коридорах перед залами судебных заседаний и у канцелярии, в электронную платформу, позволяющую получить доступ к правосудию на «кончиках пальцев» посредством информационно-телекоммуникационных сетей.

Список литературы

1. *Рогов И.И.* Реформирование – по принципу верховенства права // Юридическая газета. – 2016. – № 130.
2. *Ермошин Г.Т.* Проблемы формирования судейского корпуса в Российской Федерации // Российский судья. – 2018. – № 1. – С. 51–57.
3. *Слабоспицкий А.С.* Дистанционное рассмотрение гражданских и экономических споров в период пандемии (опыт Австралии и Китая) // Вестник Российской правовой академии. – 2021. – № 2. – С. 82–88.
4. *Фоков А.П.* Электронное правосудие в Китайской Народной Республике: цифровая реальность и организация «умного суда» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 8. – С. 119–124.
5. *Каменков В.С., Витко П.Ф.* Перестройка арбитража и третейского разбирательства в Российской Федерации, Республике Казахстан и предстоящая реформа в Республике Беларусь (сравнительный анализ) // Юстиция Беларуси. – 2019. – № 5. – С. 16–20.
6. *Слабоспицкий А.С.* Рассмотрение цивилистических споров в период пандемии: опыт Англии и Уэльса // Российское правосудие. – 2021. – № 6. – С. 83–87.
7. *Соловьёв А.А.* Некоторые особенности организации экономического правосудия во Французской Республике // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2020. – № 3. – С. 108–118.
8. *Susskind R.* Tomorrow's lawyers // Oxford University Press. – 2017. – P. 32–42.

References

1. *Rogov I.I.* Reformirovanie – po principu verhovenstva prava // Yuridicheskaya gazeta. – 2016. – № 130.

2. *Ermoshin G.T.* Problemy formirovaniya sudejskogo korpusa v Rossijskoj Federacii // Rossijskij sud'ya. – 2018. – № 1. – S. 51–57.
3. *Slabospickij A.S.* Distancionnoe rassmotrenie grazhdanskih i ekonomicheskikh sporov v period pandemii (opyt Avstralii i Kitaya) // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. – 2021. – № 2. – S. 82–88.
4. *Fokov A.P.* Elektronnoe pravosudie v Kitajskoj Narodnoj Respublike: cifrovaya real'nost' i organizaciya "umnogo suda" // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. – 2021. – № 8. – S. 119–124.
5. *Kamenkov V.S., Vitko P.F.* Perestrojka arbitrazha i tretejskogo razbiratel'stva v Rossijskoj Federacii, Respublike Kazahstan i predstoyashchaya reforma v Respublike Belarus' (sravnitel'nyj analiz) // Yusticiya Belarusi. – 2019. – № 5. – S. 16–20.
6. *Slabospickij A.S.* Rassmotrenie civilisticheskikh sporov v period pandemii: opyt Anglii i Uel'sa // Rossijskoe pravosudie. – 2021. – № 6. – S. 83–87.
7. *Solov'yov A.A.* Nekotorye osobennosti organizacii ekonomicheskogo pravosudiya vo Francuzskoj Respublike // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. – 2020. – № 3. – S. 108–118.
8. *Susskind R.* Tomorrow's lawyers // Oxford University Press. – 2017. – P. 32–42.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
Спецвыпуск № 2.1 (33)' 2022

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор

Голованова Е.В.

Компьютерная верстка

Савеличев М.Ю.

Переводчик

Грибов В.В.

Электронное издание.

Подписано в тираж 07.10.2022.

Печ. л. 7,9. Усл.-печ. л. 7,33. Уч.-изд. л. 6,03.

Объем 1,3 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 22-0089.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов

ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,

115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,

тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.